

R A S A O E

Cactarea

Pyramiculus

CONTINUED

100

Mesquita

Тот, кто ступил на Путь Воина, путь с сердцем, уже никогда не станет простым обывателем. Дон Хуан открывает Карлосу аспекты этого пути – искусство быть недостижимым, стирание личной истории, концепцию `смерти как советчика`, принятие ответственности за свои поступки.

В `Путешествии в Икстлан` мы впервые встречаемся с союзниками – устрашающими неорганическими существами, которых маг, имеющий достаточно личной силы, может превратить в незаменимых помощников.

КАРЛОС КАСТАНЕДА

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН

Введение

В субботу, 22 мая 1971 года я приехал в Сонору «Мексика», чтобы увидеться с Хуаном Матусом, индейцем-магом из племени яки, с которым я был связан с 1961 года. Я думал, что мой визит в этот день никак не будет отличаться от множества других визитов, которые я делал за те десять лет, пока я был его учеником. События, которые имели место в тот день и в последующие дни были для меня поворотными. На этот раз мое ученичество пришло к концу. Это не было каким-либо моим уходом, а законченным окончанием учения.

Я уже представил мое ученичество в двух предыдущих книгах: «учение дона Хуана» и «отделенная реальность».

Моим основным положением в обеих книгах было то, что основными моментами в учении на мага были состояния необычной реальности, производимые приемом психотропных растений.

В этом отношении дон Хуан был экспертом в использовании трех таких растений: *datura innoxia*, известной, как дурман; *lephophesa williamsi*, известной, как пейот; и галлюциногенный гриб из рода *psilocybe*.

Мое восприятие мира под воздействием этих психотропных веществ было таким запутанным и внушительным, что я был вынужден предположить, что такие состояния являлись единственной дорогой к передаче и обучению тому, чему дон Хуан пытался научить меня.

Это заключение было ошибочным.

Чтобы избежать любого недопонимания в моей работе с доном Хуаном, я хотел бы прояснить следующие моменты.

До сих пор я не делал никаких попыток поместить дона Хуана в культурные рамки. Тот факт, что он считает себя индейцем яки не означает, что его знания магии известны индейцам яки в основном или практикуются ими.

Все разговоры, которые мы провели с доном Хуаном во время моего ученичества велись на испанском языке, и лишь благодаря его отчетливому владению этим языком я смог получить полные объяснения системы верований.

Я сохранил название этой системы – «магия», и я также по-прежнему называю дона Хуана магом, потому что это те категории, которые он использовал сам.

Поскольку я был способен записать большинство из того, что было сказано на его позднейших фазах, я собрал большую кучу записок. Для того, чтобы сделать эти записки читабельными и в то же время сохранить драматическое единство учения дона Хуана, я должен был издать, а то, что я выпустил, является, я считаю не относящимся к тем вопросам, которые я хочу поднять.

В моей работе с доном Хуаном я ограничивал свои усилия рамками видения его, как мага, и получения ч л е н с т в а в его знании.

Для того, чтобы выразить свою мысль, я должен прежде объяснить основные моменты магии так, как дон Хуан представил их мне. Он сказал, что для мага мир повседневной жизни не является реальным или «вокруг нас», как мы привыкли верить. Для мага реальность, или тот мир, который мы все знаем, является только описанием.

Для того, чтобы упрочить этот момент, дон Хуан сконцентрировал основные свои усилия на том, чтобы подвести меня к искреннему убеждению, что тот мир, который я имею в уме, как окружающий, был просто описанием мира; описанием, которое было накачено в меня с того момента, как я родился.

Он указал, что любой, кто входит в контакт с ребенком, является учителем, который

непрерывно описывает ему мир, вплоть до того момента, пока ребенок не будет способен воспринимать мир так, как он описан. Согласно дону Хуану мы не сохраняем памяти этого поворотного момента просто потому, что, пожалуй, никто из нас не имел никакой точки соотнесения для того, чтобы сравнить его с чем-либо еще. Однако, с этого момента и дальше ребенок становится членом. Он знает описание мира и его членство становится полноправным, я полагаю, когда он становится способным делать все должные интерпретации восприятия, которые, подтверждая это описание, делают его достоверным.

Для дона Хуана в таком случае, реальность нашей повседневной жизни состоит из бесконечного потока интерпретаций восприятия, которым мы, т.е. индивидуумы, которые разделяют особое членство, научились делать одинаково.

Ты идея, что интерпретации восприятия, которые делают мир, имеют недостаток, соответствует тому факту, что они текут непрерывно и редко, если вообще когда-либо, ставятся под вопрос. Фактически, реальность мира, который мы знаем, считается настолько сама собой разумеющейся, что основной момент магии состоящий в том, что наша реальность является просто одним из многих описаний, едва ли может быть принят, как серьезное заключение.

К счастью, в случае моего ученичества, дон Хуан совершенно не заботило, могу я или нет понимать то, что он говорит. Таким образом, как учитель магии, дон Хуан взялся описывать мне мир со времени нашего первого разговора. Моя трудность в понимании его концепции и методов проистекала из того факта, что его описание было чуждым и несовпадающим с моим собственным описанием.

Его утверждением было то, что он учит меня, как «видеть», в противоположность просто «смотрению», и что «остановка мира» была первым шагом к «видению».

В течение многих лет я рассматривал идею «останавливания мира», как загадочную метафору, которая на самом деле ничего не значит. И только лишь во время неофициального разговора, который имел место к концу моего ученичества, я полностью понял ее объем и важность, как одного из основных моментов в знании дона Хуана.

Дон Хуан и я разговаривали о различных вещах в свободной и непринужденной манере. Я рассказал ему о моем друге и его проблеме со своим девятилетним сыном. Ребенок, который жил с матерью в течение последних четырех лет, и теперь жил с моим другом, и проблема состояла в том, что с ним делать. Согласно моему другу, ребенок был негоден для школы. У него не хватало концентрации, и он ничем не интересовался. Он всему оказывал сопротивление, против любого контакта восстает и убегает из дома.

«У твоего друга действительно проблема», – сказал дон Хуан, смеясь.

Я хотел продолжать рассказывать ему обо всех «ужасных» вещах, которые сделал ребенок, но он прервал меня.

«Нет нужды говорить дальше об этом бедном мальчике», – сказал он. – «нет нужды ни для тебя, ни для меня рассматривать его поступки так или иначе в наших мыслях».

Его манера была прямой, и его голос был тверд, но затем он улыбнулся.

– Что может сделать мой друг? – спросил я.

– Наихудшая вещь, которую он может сделать, это заставить ребенка согласиться с ним, – сказал дон Хуан.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что отец ребенка не должен его шлепать или пугать в тех случаях, когда тот ведет себя не так, как хотелось бы отцу.

– Но как он может научить его чему-либо, если он не будет с ним тверд?

– Твой друг должен найти кого-нибудь другого, кто бы шлепал ребенка.

– Но он не может позволить никому тронуть своего мальчика! – сказал я, удивленный его

предложению.

Дону Хуану, казалось, понравилась моя реакция, и он засмеялся.

– Твой друг не воин, – сказал он. – если бы он был воином, то он бы знал, что наилучший вещью, которую можно сделать, будет противопоставить себя человеку прямо.

– Что делает воин, дон Хуан?

– Воин действует стратегически.

– Я все же не понимаю, что ты имеешь в виду.

– Я имею в виду, что если бы твой друг был воином, то он бы помог своему ребенку остановить мир.

– Но как мой друг может сделать это?

– Ему нужна была бы личная сила. Ему нужно было бы быть магом.

– Но он не маг.

– В таком случае он должен использовать обычные средства для того, чтобы помочь своему сыну изменить идею мира. Это не останавливание мира, но это подействует так же.

Я попросил его объяснить свои слова.

– Если бы я был твой друг, – сказал дон Хуан, – то я бы начал с того, что нанял бы кого-нибудь, кто бы шлепал маленького мальчика. Я пошел бы в городские трущобы и нанял бы наиболее страшно выглядящего человека, которого бы смог найти.

– Чтобы испугать маленького мальчика?

– Не просто для того, чтобы испугать мальчика, дурень, этот парнишка должен быть остановлен. Но этого не произойдет, если его будет бить собственный отец.

– Если кто-либо хочет остановить других людей, то он всегда должен быть в стороне от того круга, который нажимает на них. Таким образом, он всегда сможет управлять давлением.

Идея была необычной, но каким-то образом она находила во мне отклик.

Дон Хуан подпирал подбородок левой ладонью. Его левая рука была прижата к груди, опираясь на деревянный ящик, который служил низеньким столом. Его глаза были закрыты, его глазные яблоки двигались. Я чувствовал, что он смотрит на меня через закрытые веки. Эта мысль испугала меня.

– Расскажи мне еще, что должен делать мой друг со своим мальчиком.

– Скажи ему, пусть он пойдет в городские трущобы и очень тщательно выберет мерзко выглядящего подонка, – продолжал он. – скажи ему, пусть он берет молодого, такого, в котором еще осталась какая-то сила.

Дон Хуан обрисовал затем странную стратегию. Я должен был проинструктировать своего друга о том, что нанятый человек должен следовать за ним или ждать его в том месте, куда он придет со своим сыном. Этот человек в ответ на условный сигнал, который будет дан после любого неправильного поведения со стороны ребенка, должен был выскочить из укромного места, схватить ребенка и отшлепать его так, чтоб тот света не взвидел.

– После того, как человек испугает его, твой друг должен помочь мальчику восстановить его уверенность любым способом, каким он сможет. Если он проведет эту процедуру три-четыре раза, то я уверяю тебя, что ребенок будет иметь другие чувства по отношению ко всему. Он изменит свою идею мира.

– Но что, если испуг искалечит его?

– Испуг никогда никого не калечит. Что калечит дух, так это постоянное именование кого-нибудь у себя на спине, кто колотит тебя и говорит тебе, что следует делать, а чего не следует делать.

– Когда этот мальчик станет более сдержанным, ты должен сказать своему другу, чтобы тот сделал для него еще одну, последнюю вещь. Он должен найти какой-либо способ, чтобы

получить доступ к мертвому ребенку, может быть в больнице или в конторе доктора. Он должен привести туда своего сына и показать ему мертвого ребенка. Он должен дать ему разок дотронуться до трупа левой рукой в любом месте, кроме живота трупа. После того, как мальчик это сделает, он будет обновлен. Мир никогда не будет тем же самым для него.

Я понял тогда, что за все годы нашей связи с доном Хуаном, он осуществлял со мной, хотя и в другом масштабе, ту же самую тактику, которую он предлагал моему другу для сына. Я спросил его об этом. Он сказал, что он все время пытался научить меня, как «остановить мир».

– Ты еще не сделал этого, – сказал он, улыбаясь. – ничто, кажется, не срабатывает, потому что ты очень упрям. Если бы ты был менее упрям, однако, то к этому времени ты, вероятно, остановил бы мир при помощи любой из техник, которым я обучил тебя.

– Какие техники, дон Хуан?

– Все, что я говорил тебе, было техникой останавливания мира.

Через несколько месяцев после этого разговора дон Хуан выполнил то, что он намеревался сделать: обучить меня «остановить мир».

Это монументальное событие в моей жизни заставило меня пересмотреть детально всю мою десятилетнюю работу. Для меня стало очевидным, что первоначальное заключение о роли психотропных растений было ошибочным. Они не были существенной чертой описания мира магами, но должны были только помочь сцементировать, так сказать, части того описания, которое я не был способен воспринять иначе. Моя настойчивость в том, чтобы держаться за свою стандартную версию реальности делала меня почти слепым и глухим к целям дона Хуана. Поэтому, просто отсутствие у меня чувствительности вызывало необходимость их применения. Пересматривая все свои полевые заметки, я понял, что дон Хуан дал мне основу нового описания в самом начале нашей связи, в том, что он называл «техникой для останавливания мира». В своих прежних работах я выпустил эти части моих полевых заметок, потому что они не относились к использованию психотропных растений. Теперь я на законном основании восстановил их в общем объеме учения дона Хуана, и они составили первые семнадцать глав этой книги. Первые три главы являются полевыми заметками, охватывающими события, которые вылились в мое «останавливание мира».

Подводя итоги, я могу сказать, что в то время, когда я начинал ученичество, была другая реальность. Иначе говоря, было описание мира магами, которого я не знал.

Дон Хуан, как маг и учитель, научил меня этому описанию. Десятилетнее ученичество, которое я прошел, состояло, поэтому, в установлении этой неизвестной реальности через развертывание ее описания. И добавление все более и более сложных частей по мере моего продвижения в учении.

Окончание ученичества означало, что я научился новому описанию мира убедительным и ясным образом и что я стал способен к новому восприятию мира, которое совпадало с его новым описанием. Другими словами, я достиг членства.

Дон Хуан утверждал, что для того, чтобы достичь «видения», следует «остановить мир». «Останавливание мира» действительно было нужным моментом определенных состояний сознания, в которых реальность повседневной жизни изменяется, поскольку поток интерпретаций, который обычно течет непрерывно, был остановлен рядом обстоятельств, чуждых этому потоку. В моем случае рядом обстоятельств, чуждых моему нормальному потоку интерпретаций, было описание мира магами. У дона Хуана необходимым условием для остановки мира было то, что следует быть убежденным. Другими словами, нужно научиться новому описанию в полном смысле, для того, чтобы наложить его на старое и, таким образом, сломать догматическую уверенность, которую мы все разделяем, что достоверность наших восприятий или нашей реальности мира не может ставиться под вопрос. После «остановки

мира» следующим шагом было «видение». Под этим дон Хуан подразумевал то, что я хотел бы категоризовать, как «реагирование на перцептуальные установки о мире, находящемся вне того описания, которое мы научились называть реальностью».

Я убежден в том, что все эти шаги могут быть поняты единственно в терминах того описания, к которому они относятся. А поскольку это было описание, которое дон Хуан взялся мне давать с самого начала, я должен, в таком случае, позволить его учению быть единственным источником входа в него. Таким образом, я оставляю слова дон Хуана говорить самим за себя.

1. Подтверждения из окружающего мира

– Как я понимаю, вы очень много знаете о растениях, сэр? – сказал я старому индейцу, который был передо мной. Мой друг просто свел нас вместе и покинул комнату, и мы представлялись друг другу сами. Старик сказал мне, что его зовут Хуан Матус.

– Это твой друг сказал тебе так? – спросил он.

– Да, это он сказал.

– Я собираю растения или, скорее, они позволяют мне собирать их, – сказал он мягко.

Мы находились в зале ожидания автобусной станции в Аризоне. Я спросил его на очень официальном испанском языке, не позволит ли он мне расспросить его. Я сказал:

– Не позволит ли мне джентльмен «кабальеро» задать ему некоторые вопросы?

«Кабальеро» – производное слово от «кабальо» – лошадь, первоначально означало всадника или знатного человека на лошади. Он посмотрел на меня инквизиторски.

– Я всадник без лошади, – сказал он с широкой улыбкой. Затем добавил: – я сказал тебе, что меня зовут Хуан Матус.

Мне понравилась его улыбка. Я подумал, что, очевидно, он был таким человеком, которому нравится прямота, и я решил смело обратиться к нему с просьбой.

Я сказал ему, что интересуюсь сбором и изучением лекарственных растений. Я сказал, что мой особый интерес лежит в использовании галлюциногенного кактуса – пейота, который я много изучал в университете в Лос-Анжелесе.

Я думал, что мое представление очень серьезно, мои слова были очень сдержанными и звучали совершенно достоверно для меня.

Старик медленно покачал головой, и я, ободренный его молчанием, добавил, что, без сомнения, было бы полезным для нас обоих собраться вместе и поговорить о пейоте.

Именно в этот момент он поднял голову и взглянул мне прямо в глаза. Это был ужасный взгляд. И однако же он не был никоим образом ни угрожающим, ни устрашающим. Это был взгляд, который прошел сквозь меня. Я сразу же онемел и не мог продолжать говорить. Это был конец нашей встречи. И однако же он оставил крупицу надежды. Он сказал, что может быть я смогу когда-нибудь навестить его у него дома.

Было бы трудно установить воздействие взгляда дона Хуана, если бы не сопоставить мой предыдущий опыт с уникальностью этого события. Когда я начал изучать антропологию, и, таким образом, встретил дона Хуана, я уже был экспертом в том, что называется «умей вертеться». Я покинул свой дом много лет назад, и это означало по моей оценке, что я был способен позаботиться о самом себе. Всегда, когда я бывал отвергнут, я обычно мог проложить себе путь лестью, тем, что шел на компромисс, спорил, сердился или, если ничего не помогало, то я хлюпал носом и жаловался. иными словами, всегда было что-то такое, что, как я знал, я могу сделать при данных обстоятельствах. И никогда в моей жизни ни один человек не останавливал моей инерции так легко и настолько полностью, как сделал дон Хуан в этот день. Дело было не только в том, что меня заставили замолчать. Бывали времена, когда я не мог сказать ни слова своему оппоненту из-за какого-то врожденного уважения, которое я чувствовал к нему. И все же в таких случаях моя злость или замешательство выражались в моих мыслях. Взгляд дона Хуана, однако, сделал меня немым до такой степени, что я перестал связно думать.

Я был полностью заинтригован этим поразительным взглядом и решил искать встречи с ним.

Я готовился в течение шести месяцев после этой первой встречи, читая об использовании пейота среди американских индейцев, особенно о культуре пейота индейцев равнины. Я

познакомился с каждой доступной работой и, когда я почувствовал, что готов, я вернулся назад в Аризону.

Суббота, 17 декабря 1960 года

Я нашел его дом после длинных и дорогостоящих расспросов среди местных индейцев. Была середина дня, когда я подъехал к дому и остановился перед ним. Я увидел дон Хуана, сидящего на деревянной молочной фляге. Он, казалось, узнал меня и приветствовал меня, когда я вылезал из машины.

В течение некоторого времени мы обменивались пустыми стандартными фразами, а затем я прямо признался ему, что был очень неоткровенен с ним, когда мы встретились в первый раз. Я хвастался, что знал очень много о пейоте, в то время, как на самом деле я не знал о нем ничего. Он смотрел на меня, его глаза были очень добрыми.

Я сказал ему, что в течение шести месяцев я читал, чтобы подготовиться к нашей встрече, и что на этот раз я действительно знаю намного больше.

Он засмеялся. Очевидно, в моем заявлении было что-то смешное для него. Он смеялся надо мной, и я чувствовал себя немножко смущенным и задетым.

Он, очевидно, заметил мое неудобство и заверил меня, что, хотя у меня были добрые намерения, на самом деле не было никакого способа подготовиться к нашей встрече.

Я подумал о том, будет ли удобным спросить, имеет ли это заявление какой-либо скрытый смысл, но не сделал этого. Однако же он, казалось, был подстроен к моим чувствам и продолжал объяснять, что он имел в виду. Он сказал, что мои усилия напомнили ему сказку о неких людях, которых король обвинил и казнил когда-то. Он сказал, что в сказке наказанные люди никак не отличались от тех, кто их наказывал, за исключением того, что они произносили некоторые слова особым образом, присущим только им. Этот недостаток, конечно, и выдавал их. Король поставил заставы на дорогах в критических точках, где чиновники требовали от каждого прохожего произнести ключевое слово. Те, кто могли произнести его так, как король его произносил, оставались жить, но тех, кто этого не мог, немедленно казнили. Основой сказки было то, что однажды молодой человек решил подготовиться к тому, чтобы пройти через заставу, научившись произносить испытательное слово так, как это нравилось королю.

Дон Хуан сказал с широкой улыбкой, что, фактически, это заняло у молодого человека «шесть месяцев» – столько времени ему понадобилось, чтобы добиться правильного произношения. И затем пришел день великого испытания. Молодой человек очень уверенно подошел к заставе и стал ждать, пока чиновник потребует у него произнести слово.

В этом месте дон Хуан очень драматично остановил свой рассказ и взглянул на меня. Его пауза была очень рассчитанной и немножко казалась мне ловушкой, но я продолжал игру. Я уже слышал тему сказки раньше. Там дело было с евреями в германии и с методом, путем которого можно было сказать, кто еврей по тому, как они произносили определенные слова. Я знал также основную нить рассказа: молодой человек должен был быть схвачен из-за того, что чиновник забыл ключевое слово и попросил его произнести другое слово, которое было очень похожим, но которое молодой человек не научился произносить правильно.

Дон Хуан, казалось, ждал от меня, чтобы я спросил, что случилось. Так я и сделал.

– Что с ним случилось? – спросил я, пытаясь быть наивным и заинтересованным в сказке.

– Молодой человек, который был действительно хитрым, сообразил, что чиновник забыл ключевое слово и прежде, чем этот человек успел сказать что-либо еще, он признался ему в том, что готовился в течение шести месяцев.

Он сделал долгую паузу и взглянул на меня с предательским блеском в глазах. На этот раз он подменил карты. Признание молодого человека было новым элементом, и я уже не знал, чем закончится история.

– Ну, что случилось потом? – спросил я, действительно заинтересованный.

– Молодой человек был немедленно казнен, конечно, – сказал он и расхохотался.

Мне очень понравился способ, каким он захватил мой интерес. Еще больше мне понравился способ, которым он связал сказку с моим собственным случаем. Фактически, он, казалось, составил ее для меня, он потешался надо мной очень тонко и артистично. Я засмеялся вместе с ним.

После этого я сказал ему, что вне зависимости от того, насколько глупо это может звучать, я действительно заинтересован в том, чтобы узнать что-либо о растениях.

– Я очень люблю гулять, – сказал он.

Я подумал, что он намеренно меняет тему разговора для того, чтобы не отвечать мне. Я не хотел его настраивать против себя своей настойчивостью.

Он спросил меня, не хочу ли я пойти вместе с ним на короткую прогулку в пустыню. Я с энтузиазмом сказал, что мне понравилось бы прогуляться по пустыне.

– Это не пикник, – сказал он тоном предупреждения.

Я сказал ему, что я очень серьезно хочу работать с ним. Я сказал, что нуждаюсь в информации, любого рода информации об использовании лекарственных растений, и что я собираюсь платить ему за его время и труды.

– Ты будешь работать на меня, а я буду платить тебе зарплату.

– Как много ты будешь платить мне? – спросил он.

Я уловил в его голосе нотку жадности.

– Сколько ты найдешь нужным, – сказал я.

– Плати мне за мое время... Своим временем, – сказал он.

Я подумал, что он – любопытнейшая личность. Я сказал ему, что я не понимаю, что он имеет в виду. Он заметил, что о растениях нечего сказать, поэтому взять мои деньги было бы немислимо для него.

– Что ты делаешь у себя в кармане? – спросил он, делая гримасу. – ты что, играешь со своим хером? – он говорил о моем незаметном записывании в миниатюрный блокнот, который находился в огромном кармане моей штормовки.

Когда я рассказал ему, что я делаю, он сердечно рассмеялся.

Я сказал, что не хотел беспокоить его, записывая прямо перед ним.

– Если ты хочешь записывать – записывай, ты не обеспокоишь меня, – сказал он.

Мы гуляли по окружающей пустыне, пока не стало почти совсем темно. Он не показывал мне никаких растений и не говорил о них совсем. Мы остановились на минуту отдохнуть у больших кустов.

– Растения очень любопытные вещи, – сказал он, не глядя на меня. – они живые, и они чувствуют.

В тот самый момент, как он сделал это заявление, сильный порыв ветра потряс пустынный чапараль вокруг нас. Кусты издали гремещий звук.

– Ты слышишь это? – спросил он меня, приставляя правую руку к своему уху, как бы помогая своему слуху. – листья и ветер соглашаются со мной.

Я засмеялся. Друг, который свел нас, уже предупреждал, чтобы я держался настороже, потому что старик был очень эксцентричен. Я подумал, что «соглашение с листьями» было одной из его эксцентричностей.

Мы еще гуляли некоторое время, но он все еще не показывал мне никаких растений, и не сорвал ни одного из них. Он просто шел через кусты, слегка их касаясь. Затем он остановился, сел на камень и сказал мне, чтоб я отдохнул и осмотрелся.

Я настаивал на разговоре. Я еще раз дал ему знать, что очень хочу учиться о растениях,

особенно о пейоте. Я просил его, чтобы он стал моим информатором в обмен на какое-либо денежное вознаграждение.

– Тебе не нужно платить мне, – сказал он. – ты можешь спрашивать меня все, что хочешь. Я буду рассказывать тебе все, что я знаю, а потом я расскажу тебе, что делать с этим.

Он спросил меня, согласен ли я с его планом. Я был в восторге. Затем он добавил загадочное замечание:

– Возможно, нет ничего такого, что можно учить о растениях, потому что о них нечего сказать.

Я не понял того, что он сказал или того, что он под этим имел в виду.

– Что ты сказал? – спросил я.

Он повторил это замечание трижды, и затем весь район был потрясен ревом военного реактивного самолета.

– Вот! Мир только что согласился со мной, – сказал он, приставляя левую ладонь к уху.

Я находил его очень приятным. Его смех был заразительным.

– Ты из Аризоны, дон Хуан? – спросил я, пытаюсь удержать разговор в рамках того, чтобы он был моим информатором.

Он взглянул на меня и утвердительно кивнул. Его глаза, казалось, были уставшими, я мог видеть белки его глаз вдоль нижних век.

– Ты был рожден в этой местности?

Он кивнул головой, опять не отвечая мне. Это походило на утвердительный жест, но это походило также и на нервное потряхивание головой человека, который задумался.

– А откуда ты сам? – спросил он.

– Я приехал из южной америки, – сказал я.

– Это большое место. Ты приехал из нее из всей?

Его глаза были опять пронзительными, когда он посмотрел на меня. Я начал объяснять ему обстоятельства своего рождения, но он прервал меня.

– В этом отношении мы похожи, – сказал он. – я живу здесь сейчас, но на самом деле я яки из Соноры.

– И это все! Я сам приехал из...

Он не дал мне закончить.

– Знаю, знаю, – сказал он. – ты есть тот, кто ты есть, оттуда, откуда ты есть. Так же как я – яки из Соноры.

Его глаза были очень яркими, а его смех странно беспокоящим. Он заставлял меня чувствовать так, как если бы поймал меня на какой-то лжи. Я испытал любопытное ощущение вины. У меня было чувство, что он знает что-то, чего я не знаю или не хочу говорить.

Мое странное раздражение росло. Он, должно быть, заметил его, потому что спросил, не хочу ли я поесть в ресторане в городе.

По пути назад к его дому и затем ведя машину в город, я почувствовал себя лучше, но полностью не расслабился. Каким-то образом я чувствовал, что мне что-то угрожает, хотя и не мог найти причину.

Я хотел ему купить пиво в ресторане. Он сказал, что никогда не пьет, даже пиво. Я засмеялся про себя. Я не поверил ему. Друг, который свел нас, говорил мне, что «старик большую часть времени находится не в себе». Мне действительно не было дела до того, лжет он или нет о выпивке. Он мне нравился. Было что-то умиротворяющее в его личности.

Должно быть, на лице у меня отразилось сомнение, потому что затем он стал объяснять мне, что он пил в молодости, но затем однажды просто бросил это.

– Люди вряд ли даже понимают, что мы можем выбросить из нашей жизни все что угодно в

любое время. Просто вот так. – он щелкнул пальцами.

– Ты думаешь, что можно бросить курить или пить так легко? – спросил я.

– Конечно! – сказал он с большим убеждением. – курение и пьянство – это ничто, совсем ничто, если мы хотим их бросить.

В этот момент автоматическая кофеварка, в которой кипела вода, издала громкий пронзительный звук.

– Слышишь это! – воскликнул дон Хуан с сиянием в глазах. – кипятилок согласен со мной.

Затем он добавил после паузы:

– Человек может получать согласие от всего вокруг него.

В этот критический момент кофеварка издала поистине гортанный звук. Он взглянул на кофеварку и сказал: – благодарю вас, – кивнул головой, а потом расхохотался.

Я опешил. Его смех был немножко чересчур громкий, но мне искренне все это нравилось.

Затем моя первая реальная сессия с моим «информатором» закончилась. Я сказал ему, что мне нужно навестить некоторых друзей, и что я был бы рад повидать его снова в конце следующей недели.

– Когда ты будешь дома? – спросил я.

Он пристально рассматривал меня.

– Когда ты приедешь, – заметил он.

– Я не знаю точно, когда я приеду.

– Тогда просто приезжай, не заботься.

– Но что, если тебя не будет дома?

– Я буду там, – сказал он, улыбаясь, и пошел прочь.

Я побежал за ним и спросил его, не будет ли он возражать, если я привезу с собой фотоаппарат, чтобы сфотографировать его и его дом.

– Об этом не может быть и речи, – сказал он с гримасой.

– А как насчет магнитофона? Будешь ты возражать против этого?

– Боюсь, что и такой возможности тоже нет.

Я почувствовал себя раздраженным и стал горячиться. Я сказал, что не вижу логической причины его отказа.

Дон Хуан отрицательно покачал головой.

– Забудь это, – сказал он с силой. – и если ты еще хочешь видеть меня, никогда не говори об этом опять.

Я выставил последнее слабое возражение. Я сказал, что фотоснимки и магнитофонные записи являлись бесценными для моей работы. Он сказал, что есть только одна вещь, которая бесценна для всего, что мы делаем. Он назвал ее «дух».

– Нельзя обойтись без духа, – сказал он. – а у тебя его нет. Горюй об этом, а не о фотоснимках.

– Что ты?..

Он прервал меня движением головы и вернулся на несколько шагов.

– Обязательно возвращайся, – сказал он мягко и помахал мне на прощание.

2. Стирание личной истории

Четверг, 22 декабря 1960 года

Дон Хуан сидел на полу около двери своего дома спиной к стене. Он перевернул деревянную молочную флягу и попросил меня садиться и чувствовать себя, как дома. Я предложил ему пачку сигарет, которую я привез. Он сказал, что не курит, но подарок принял. Мы поговорили о холоде ночей в пустыне и на другие обычные темы.

Я спросил его, не мешаю ли я его нормальному распорядку. Он взглянул на меня с какой-то гримасой и сказал, что у него нет никакого распорядка и что я могу оставаться с ним до вечера, если хочу.

Я приготовил несколько опросных листов по генеалогии и родовым отношениям, и я хотел заполнить их с его помощью. Я составил также по этнографической литературе длинный список культурных черт, которые, как считалось, присущи индейцам этого района. Я хотел пройтись по списку вместе с ним и отметить все вопросы, которые были знакомы для него.

Я начал с опросных карт родовых отношений.

Как ты называл своего отца? – спросил я.

– Я называл его папа, – сказал он с очень серьезным лицом.

Я почувствовал легкое раздражение, но продолжал, думая, что он не понял.

Я показал ему опросный лист и объяснил, что один пропуск там оставлен для отца, а один – для матери. Я привел пример различных слов, которые используются в английском и испанском языках для того, чтобы называть отца и мать.

Я подумал, что, может быть, мне следовало начать с матери.

– Как ты называл свою мать? – спросил я.

– Я называл ее мама, – заметил он очень наивным тоном.

– Я имею в виду, какие другие слова ты использовал для того, чтобы назвать своего отца или мать? Как ты звал их? – сказал я, пытаюсь быть терпеливым и вежливым. Он почесал голову и посмотрел на меня с глупым выражением.

– Ага, – сказал он. – тут ты меня поймал. Дай-ка мне подумать.

После минутного замешательства он, казалось, вспомнил что-то, и я приготовился записывать.

– Ну, сказал он, как если бы он был захвачен серьезной мыслью. – как еще я звал их? Я звал их эй-эй, папа! Эй-эй, мама!

Я рассмеялся против своего желания. Его выражение было действительно комичным, и в этот момент я не знал, то ли он был очень хитрый старик, который морочил мне голову, то ли он был действительно простачком. Используя все свое терпение, я объяснил ему, что это очень серьезный вопрос и что для моей работы очень важно заполнить все эти бланки. Я старался, чтобы он понял идею генеалогии и личной истории.

– Как звали твоего отца и твою мать? – спросил я. Он взглянул на меня ясными и добрыми глазами.

– Не трать время на эту муру, – сказал он мягко, но с неожиданной силой.

Я не знал, что сказать. Казалось, кто-то другой произнес эти слова. За секунду до этого он был ошарашенным глупым индейцем, чесавшим свою голову, и уже через мгновение он сменил роль. Я был глупым, а он смотрел на меня неопишуемым взглядом, в котором не было ни раздражения, ни неприязни, ни ненависти, ни сожаления. Его глаза были добрыми, ясными и пронизывающими.

– У меня нет никакой личной истории, – сказал он после длинной паузы. – однажды я

обнаружил, что не нуждаюсь больше в личной истории, также как пьянство, бросил ее.

Я не совсем понял, что он хотел сказать. Неожиданно я почувствовал себя неловко, под угрозой. Я напомнил ему, что он заверил меня в том, что я могу задавать ему вопросы. Он повторил, что он совсем не возражает против этого.

– У меня больше нет личной истории, – сказал он и взглянул на меня испытующе. – я бросил ее однажды, когда почувствовал, что в ней нет больше необходимости.

Я уставился на него, пытаюсь найти скрытое значение его слов.

– Но как можно бросить свою личную историю? – спросил я в настроении поспорить.

– Сначала нужно иметь желание бросить ее, – сказал он, – А затем следует действовать гармонично, чтобы обрубить ее мало-помалу.

– Но зачем кто-либо будет иметь такое желание? – воскликнул я.

У меня была ужасно сильная привязанность к моей личной истории. Мои семейные корни были глубоки. Я честно чувствовал, что без них моя жизнь не имела бы ни цели, ни длительности.

– Может быть, тебе следует рассказать мне, что ты имеешь в виду под словами бросить личную историю, – сказал я.

– Разделаться с ней, вот что я имею в виду, – заметил он, как отрезал.

Продолжал настаивать, что не понимаю этого.

– Ну, возьмем тебя, например. Ты – яки, ты не можешь изменить этого.

– Разве я – яки? – спросил он, улыбаясь. – откуда ты знаешь это?

– Правда! – сказал я. – я не могу этого знать наверняка. Это так. Но ты знаешь это, и именно это имеет значение. Именно это делает личную историю. – я чувствовал, что загнал его в угол.

– Тот факт, что я знаю, являюсь я яки или нет, не делает его личной историей, – заметил он. – лишь тогда, когда еще кто-либо знает о нем, он становится личной историей. И уверяю тебя, что никто никогда этого не узнает наверняка.

Я кое-как записал, что он сказал. Я перестал записывать и взглянул на него. Я не мог составить представления о нем. Мысленно я пробежал через свои впечатления о нем. Загадочным и беспрецедентным образом он взглянул на меня во время нашей первой встречи. Очарование, с которым он утверждал, что получает согласие от всего, что его окружает, его раздражающий юмор и его алертность, его явно глупый вид, когда я расспрашивал его о его отце и матери, а затем эта неожиданная сила его утверждений, которые сразу отбросили меня.

– Ты не знаешь, что я такое, не так ли? – сказал он, как если бы читал мои мысли. – ты никогда не узнаешь, кто или что я есть, потому что я не имею личной истории.

Он спросил у меня, был ли у меня отец. Я сказал, что да. Он сказал, что мой отец был примером того, о чем он говорит. Он попросил меня вспомнить, что мой отец думал обо мне.

– Твой отец знал о тебе все, – сказал он, – поэтому он полностью распланировал тебя. Он знал, кто ты есть, и что ты делаешь. И нет такой силы на земле, которая могла бы заставить его изменить его мнение о тебе.

Дон Хуан сказал, что каждый, кто знал меня, имел обо мне свою идею, и что я питал эту идею всем, что я делал.

– Разве ты не видишь? – спросил он драматически. – ты должен обновлять свою личную историю, говоря своим родителям, своим родственникам и своим друзьям обо всем, что ты делаешь. С другой стороны, если у тебя нет личной истории, то никаких объяснений не требуется, никто не сердится, никто не разочаровывается в твоих поступках. И, более того, никто не прищипливает тебя своими мыслями.

Внезапно идея стала ясной у меня в уме. Я почти знал это сам, но я никогда не рассматривал таких мыслей. Не иметь личной истории действительно было очень заманчивой

концепцией, по крайней мере, на интеллектуальном уровне. Однако, это дало мне чувство одиночества, которое я нашел угрожающим и отвратительным. Мне хотелось обговорить с ним вопрос об этих моих чувствах, но я держался начеку. Что-то было ужасно неуместным в этой ситуации. Я чувствовал неловкость в том, что вступаю в философский спор со старым индейцем, который, очевидно, не имеет «интеллектуальности» студента университета. Каким-то образом он увел меня в сторону от моего первоначального намерения расспросить о его генеалогии.

– Я не знаю, каким образом мы разговариваем об этом, тогда как все, что я хотел узнать, так это несколько имен для моих бланков, – сказал я, пытаюсь повернуть разговор к той теме, которую я хотел.

– Это очень просто, – сказал он. – способ, каким мы пришли к этому разговору, заключается в том, что я сказал, что задавать вопросы о прошлом человека – это явная ерунда.

Его тон был твердым. Я чувствовал, что нет способа уговорить его, поэтому я изменил свою тактику.

– Что же, эта идея не иметь личной истории, это то, что делают яки? – спросил я.

– Это то, что делаю я.

– Где ты научился этому?

– Я научился этому в течение своей жизни.

– Это твой отец научил тебя этому?

– Нет, скажем, что я научился этому сам, а теперь я собираюсь передать секрет этого тебе, чтобы ты не ушел сегодня с пустыми руками.

Он понизил голос до драматического шепота. Я рассмеялся над его трюками. Я вынужден был признать, что он совсем не глуп. Мне пришла в голову мысль, что я нахожусь в присутствии врожденного актера.

– Записывай, – сказал он покровительственно. – почему бы нет. Ты, кажется, чувствуешь себя более удобно в то время, когда пишешь.

Я взглянул на него, и мои глаза, должно быть, выдали мое замешательство. Он хлопнул себя по ляжкам и с удовольствием расхохотался.

– Самое лучшее, стереть всю личную историю, – сказал он, как бы давая мне время записывать, – потому что это сделает нас свободными от обволакивающих мыслей других людей.

Я не мог поверить, что он действительно сказал это. У меня был очень затруднительный момент. Он, должно быть, прочитал у меня на лице мое внутреннее замешательство и немедленно его использовал.

– Возьмем тебя, например, – продолжал он говорить. – как раз сейчас ты не знаешь, то ли ты приходишь, то ли уходишь, и это потому, что я стер свою личную историю. Мало-помалу я создал туман вокруг себя и вокруг своей жизни. И сейчас никто не знает наверняка, кто я есть и что я делаю.

– Но ты сам знаешь, кто ты есть, разве не так? – вставил я.

– Я, честное слово... Не знаю! – воскликнул он и покатился на пол, смеясь над моим удивленным взглядом.

Он довольно долго молчал, чтобы заставить меня поверить в то, что сейчас он скажет «я знаю», как я этого ожидал. Его неожиданный поворот был очень угрожающим для меня. Я действительно испугался.

– Это маленький секрет, который я собирался дать тебе сегодня, – сказал он тихим голосом, – никто не знает моей личной истории. Никто не знает, кто я есть и что я делаю. Даже я не знаю.

Он скосил глаза. Он не смотрел на меня, а куда-то выше моего правого плеча. Он сидел,

скрестив ноги, спина его была прямой, и все же он казался расслабленным. В этот момент он был самым воплощением яростности. Я представил себе его индейским вождем, «краснокожим воином» в романтических легендах моего детства. Мой романтизм увел меня в сторону и крайне отчетливое чувство раздвоенности захватило меня. Я мог искренне сказать, что он мне очень нравится, и в то же самое время я мог сказать, что я смертельно боюсь его.

Он сохранял этот странный взгляд в течение долгого времени.

– Как я могу знать, кто я есть, когда я есть все это, – сказал он, указывая на окружающее жестом головы. Затем он взглянул на меня и улыбнулся.

– Мало-помалу ты должен создать туман вокруг себя. Ты должен стереть все вокруг себя до тех пор, пока ничего нельзя будет считать само собой разумеющимся. Пока ничего уже не останется наверняка или реального. Твоя проблема сейчас в том, что ты слишком реален. Твои усилия слишком реальны. Твои настроения слишком реальны. Не принимай вещи настолько сами собой разумеющимися. Ты должен начать стирать себя.

– Для чего? – спросил я ошеломлено.

Мне стало ясно, что он предписывает мне поведение. Всю свою жизнь я подходил к переломному моменту, когда кто-либо пытался сказать мне, что делать. Простая мысль о том, что мне будут говорить, что делать, вызывала во мне немедленно активный протест.

– Ты сказал мне, что хочешь изучать растения, – сказал он спокойно. – ты хочешь что-то получить даром? Что ты думаешь об этом? Мы условились, что ты будешь задавать мне вопросы, и я буду говорить тебе то, что я знаю. Если тебе это не нравится, то нам больше нечего сказать друг другу.

Его ужасная прямота вызывала во мне чувство протеста, но внутри себя я признавал, что он прав.

– Давай тогда сделаем так, – продолжал он. – если ты хочешь изучать растения и поскольку о них действительно нечего сказать, то ты должен среди прочих вещей стереть свою личную историю.

– Как? – спросил я.

– Начни с простых вещей. Таких, как не говорить никому, что ты в действительности делаешь. Затем ты должен оставить всех, кто тебя хорошо знает. Таким образом, ты создашь туман вокруг себя.

– Но ведь это абсурдно! – протестовал я. – почему люди не должны знать обо мне? Что в этом плохого?

– Плохое здесь то, что, если они однажды тебя узнали, то ты уже становишься чем-то таким, что само собой разумеется, и, начиная с этого момента, ты уже не можешь порвать связь с их мыслями. Лично я люблю полную свободу – быть неизвестным. Никто не знает меня с застывшей уверенностью, так, как люди знают тебя, например.

– Но это было бы ложью.

– Мне нет дела до лжи или правды, – сказал он жестко. – ложь есть ложь, только если ты имеешь личную историю.

Я стал возражать, что мне не нравится намеренно мистифицировать людей или вводить их в заблуждение. Его ответом было то, что я и так всех ввожу в заблуждение.

Старик затронул болезненное место в моей жизни. Я не примкнул спросить его, что он имел в виду под этим, или откуда он узнал, что я все время ввожу людей в заблуждение. Я просто прореагировал на его заявления, защищаясь при помощи объяснения. Я сказал, что я с болью сознаю, что моя семья и мои друзья считают меня ненадежным, в то время, как в действительности я никогда в своей жизни не солгал.

– Ты всегда знал, как лгать, – сказал он. – и единственная вещь, которая отсутствовала, это

то, что ты не знал, зачем это делать. Теперь ты знаешь.

Я запротестовал.

– Разве ты не видишь, что я действительно очень устал от того, что люди считают меня ненадежным, – сказал я.

– А ты действительно ненадежен, – заметил он с убеждением.

– Черт подери, это не так! – воскликнул я.

Мое настроение вместо того, чтобы подвести его к серьезности, заставило его истерически смеяться. Я действительно терпеть не мог этого старика за все его ужимки. К несчастью, он был прав относительно меня. Через некоторое время я успокоился, и он продолжал говорить.

Когда не имеешь личной истории, – объяснил он, – то ничего, что бы ты ни сказал, не может быть принято за ложь. Твоя беда в том, что ты вынужден объяснять все любому, импульсивно, и в то же время ты хочешь сохранить свежесть и новизну того, что ты делаешь. Что ж, поскольку ты не можешь быть восхищенным после того, как ты объяснил все, что ты делаешь, то ты лжешь для того, чтобы продолжить эти чувства.

Я был действительно ошеломлен масштабом нашего разговора. Я записал все его детали наилучшим образом как только смог, концентрируя внимание на том, что он говорит, вместо того, чтобы размышлять о собственной предвзятости или о его значении.

– С этого момента, – сказал он, – ты должен просто показывать людям все, что ты найдешь нужным им показывать, но при этом никогда не говорить точно, как ты это сделал.

– Я не могу держать секреты! – воскликнул я. – то, что ты говоришь, бесполезно для меня.

– Тогда изменись! – сказал он отрывисто, с яростным блеском в глазах.

Он выглядел, как странное дикое животное, и в то же время его мысли и слова были предельно связанными. Мое раздражение уступило место состоянию неприятного замешательства.

– Видишь, – продолжал он, – у нас есть только два выбора. Мы или принимаем все, как реальное, наверняка, или мы этого не делаем. Если мы следуем первому, то мы кончаем тем, что до смерти устаем от самих себя и от мира. Если мы последуем второму и сотрем личную историю, мы создадим туман вокруг нас, очень восхитительное и мистическое состояние, в котором никто не знает, откуда выскочит заяц, даже мы сами.

Я стал говорить о том, что стирание личной истории лишь увеличит наше чувство незащищенности.

– Когда ничего нет наверняка, мы остаемся alertными, навсегда на цыпочках, – сказал он. – не знать, за каким кустом прячется заяц, более восхитительно, чем вести себя так, как если бы мы знали все.

Он больше ни слова не говорил в течение очень долгого времени. Может быть, час прошел в полном молчании. Я не знал, что спрашивать. Наконец, он поднялся и попросил меня подвезти его в ближайший город.

Я не знал, почему, но наш разговор опустошил меня. У меня было такое чувство, будто бы я вот-вот засну. Он попросил меня остановиться по пути и сказал, что если я захочу расслабиться, то я должен забраться на плоскую вершину небольшого холма в стороне от дороги и лечь на живот головой к востоку. В его голосе, казалось, ощущалась спешка. Я не хотел спорить или, может быть, я просто был настолько усталым, что не мог даже говорить. Я забрался на холм и сделал так, как он предписывал.

Я спал только две или три минуты, но этого было достаточно, чтобы моя энергия возобновилась. Мы приехали к центру города, где он попросил меня ссадить его.

– Возвращайся, – сказал он, выходя из машины. – обязательно возвращайся.

3. Утрачивание важности самого себя

У меня была возможность обсудить свои два предыдущие визита к дону Хуану с тем другом, который свел нас вместе. Его мнением было то, что я теряю свое время. Я изложил ему до последней детали все наши разговоры. Он считал, что я преувеличиваю и создаю романтический ореол тупой старой развалине.

Однако, во мне было очень мало откликов для того, чтобы романтизировать такого необычного старика. Я искренне чувствовал, что его критика моей личности была серьезной подоплекой того, что он мне нравился. Однако же, я должен был признать, что эта критика всегда была апропо /"к месту"/ резко очерчена и правильна до последней буквы.

Стержнем моей проблемы на этот раз было нежелание признать то, что дон Хуан способен разрушить все мои предубеждения о мире, и мое нежелание согласиться с другом, который считал, что «старый индеец просто дурень».

Я чувствовал себя обязанным еще раз навестить его, прежде чем составить о нем свое мнение.

Среда, 28 декабря 1960 года.

Как только я приехал к нему, он взял меня на прогулку в пустынный чапараль. Он даже не взглянул на мешок с продуктами, которые я привез ему. Казалось, он ожидал меня.

Мы шли в течение нескольких часов. Он не собирал, не показывал мне никаких растений. Он учил меня, однако, «правильному способу ходьбы». Он сказал, что я должен слегка подогнуть пальцы, когда я иду, для того, чтобы я мог обращать внимание на дорогу и на окружающих. Он заявил, что мой обычный способ ходьбы является уродующим, и что никогда не следует ничего носить в руках. Если нужно нести какие-нибудь вещи, то следует пользоваться рюкзаком или заплечной сумкой, или заплечным мешком. Его идея состояла в том, что заставляя руки находиться в определенном положении, можно иметь большую выносливость и лучше осознавать окружающее.

Я не видел причины спорить и подогнул пальцы так, как он сказал, продолжая идти. Мое осознание окружающего несколько не изменилось, то же самое было с моей выносливостью. Мы начали нашу прогулку утром и остановились отдохнуть после полудня. Я обливался потом и хотел выпить из фляжки, но он остановил меня, сказав, что лучше проглотить только один глоток. Он сорвал немного листьев с небольшого желтого куста и пожевал. Он дал немного листьев мне и заметил, что они прекрасны, а если я буду их медленно жевать, то моя жажда исчезнет. Жажда не исчезла, но в то же время я не чувствовал неудобств.

Он, казалось, прочел мои мысли и объяснил, что я не почувствовал выгоды «правильного способа ходьбы» или же выгоды от жевания листьев, потому что я молод и силен, а мое тело ничего не замечает, потому что оно немного глупо.

Он засмеялся. Я не был в смешливом настроении, и это, казалось, позабавило его еще больше. Он поправил свое предыдущее заявление, сказав, что мое тело не то чтобы на самом деле глупое, но оно как бы спит.

В этот момент огромная ворона пролетела прямо над нами с карканьем. Это меня испугало, и я начал смеяться. Я думал, что обстоятельства требуют смеха, но, к моему великому удивлению, он сильно встряхнул мою руку и заставил меня замолчать. У него было крайне серьезное выражение.

– Это была не шутка, – сказал он жестко, как если бы я знал, о чем он говорит. Я попросил объяснения. Я сказал ему, что это неправильно, что мой смех над вороной рассердил его, в то время, как мы ранее смеялись над кофеваркой.

– То, что ты видел, была не просто ворона! – воскликнул он.

– Но я видел ее, и это была ворона, – настаивал я.

– Ты ничего не видел, дурак, – сказал он грубым голосом.

Его грубость была беспричинной. Я сказал ему, что я не люблю злить людей, и, может быть, будет лучше, если я уйду, поскольку он, видимо, не в настроении поддерживать компанию. Он неудержимо расхохотался, как если бы я был клоун, разыгрывающий перед ним представление. Мое недовольство и раздражение пропорционально росли.

– Ты очень жесток, – комментировал он. – ты принимаешь самого себя слишком серьезно.

– Но разве ты не делаешь того же самого, – вставил я, – принимая самого себя серьезно, когда ты рассердился на меня?

Он сказал, что сердиться на меня было самое далекое, что он только мог придумать. Он взглянул на меня пронзительно.

– То, что ты видел, не было согласием мира, – сказал он. – летящая или каркающая ворона никогда не бывает согласием. Это был знак!

– Знак чего?

– Очень важное указание насчет тебя, – заметил он загадочно.

В этот самый момент ветер бросил сухую ветку прямо к нашим ногам.

– Вот это было согласием! – воскликнул он, и, взглянув на меня сияющими глазами, залился смехом.

У меня было такое чувство, что он дразнит меня, создавая правила странной игры по мере того, как мы продвигаемся. Поэтому, ему-то можно было смеяться, но не мне. Мое недовольство опять полезло наверх, и я сказал ему все, что думаю о нем. Он совсем не был задет или обижен. Он хохотал, и его смех вызывал во мне еще больше недовольства и раздражения. Я подумал, что он намеренно ставит меня в дурацкое положение. Я тут же решил, что с меня довольно такой «полевой работы».

Я встал и сказал, что хочу идти назад к его дому, потому что я должен ехать в Лос-Анжелес.

– Сядь, – сказал он повелительно. – ты обидчив, как старая леди. Ты не можешь сейчас уехать, потому что мы еще не кончили.

Я ненавижу его. Я подумал, что он неприятнейший человек.

Он начал напевать идиотскую мексиканскую народную песню. Он явно изображал какого-то популярного певца. Он удлинял некоторые слоги и сокращал другие и превратил песню в совершеннейший фарс. Это было настолько комично, что я расхохотался.

– Видишь, ты смеешься над глупой песней, – сказал он. – но тот человек, который поет ее таким образом и те люди, которые платят за то, чтобы его послушать, не смеются. Они считают это серьезным.

– Что ты имеешь в виду? – спросил я. Я думал, что он намеренно подобрал пример, чтобы сказать мне, что я смеялся над вороной из-за того, что я не принимал ее серьезно, точно так же, как я не принимаю песню серьезно. Но он опять надул меня. Он сказал, что я похож на этого певца и тех людей, которым нравится его песня, мнительный и смертельно серьезный в отношении всякой чепухи, за которую никто в здравом уме не даст ни гроша. Он затем возвратился назад, как если бы для того, чтобы освежить свою память. Повторив все, что он сказал раньше на тему «изучать растения», он подчеркнул, с ударением, что если я действительно хочу учиться, то я должен переделать большую часть своего поведения.

Мое чувство недовольства росло до такой степени, что мне уже приходилось делать огромные усилия даже, чтобы делать заметки.

– Ты слишком серьезно себя принимаешь, – сказал он медленно. – ты слишком чертовски важен в своих собственных глазах. Это должно быть изменено! Ты так чертовски важен, что ты

чувствуешь себя вправе раздражаться всем. Ты так чертовски важен, что ты можешь себе позволить уйти, если вещи не складываются так, как тебе бы хотелось. Я полагаю, ты думаешь, все это показывает, что ты имеешь характер. Это чепуха! Ты слаб и мнителен!

Я попытался изобразить протест, но он не поддался. Он указал, что за всю мою жизнь я никогда ничего не закончил из-за чувства неуместной важности, которую я связал с самим собой.

Я был ошеломлен уверенностью, с которой он делал свои заявления. Они были правильны, конечно, и это заставило меня чувствовать не только злость, но еще и угрозу.

– Важность самого себя – это другая вещь, которую следует бросить, точно так же, как личную историю, – сказал он драматическим тоном.

Я действительно не хотел с ним спорить. Было очевидно, что я нахожусь в ужасно невыгодном положении. Он не собирался идти назад к дому до тех пор, пока не будет готов, а я не знал дорогу. Я вынужден был оставаться с ним.

Он сделал странное и внезапное движение, как бы понюхал воздух вокруг себя. Его голова слегка вздрагивала медленно и ритмично. Он, казалось, был в состоянии необычайной alertности. Он повернулся и посмотрел на меня взглядом, в котором были удивление и любопытство. Его глаза прошлись вверх и вниз по моему телу, как бы разыскивая что-либо особенное. Затем он резко поднялся и быстро пошел. Он почти бежал. Я следовал за ним. Он выдерживал очень ускоренный шаг примерно в течение часа. Наконец, он остановился у скалистого холма, и мы уселись в тени куста. Бег трусцой совершенно утомил меня, хотя мое настроение улучшилось. Было очень странно, как я изменился. Я чувствовал почти подъем в то время, как, когда мы начали бег трусцой, после нашего спора, я был в ярости на него.

– Это очень странно, – сказал я, – но я действительно чувствую себя хорошо.

Я услышал вдалеке карканье вороны. Он поднял палец к правому уху и улыбнулся.

– Это был знак, – сказал он.

Небольшой камень покатился вниз, издав хрустящий звук, когда он упал в чапараль.

Он громко рассмеялся и указал пальцем в сторону звука.

– А это было согласие, – сказал он. Затем он спросил меня, действительно ли я готов к разговору о моей важности самого себя. Я рассмеялся. Мое чувство злости, казалось, было настолько далеко, что я даже не мог понять, каким образом я рассердился на него.

– Я не могу понять, что случается со мной, – сказал я. – то я злюсь, а теперь я не знаю, почему я больше не злюсь.

– Мир вокруг нас очень загадочен, – сказал он. – он нелегко выдает свои секреты.

Мне нравились его загадочные заявления. Они были вызывающими и непонятными. Я не мог определить, то ли они были заполнены скрытым смыслом, то ли они были просто откровенной чепухой.

– Если ты когда-нибудь приедешь назад, сюда в пустыню, – Сказал он, – держись подальше от того каменистого холма, где мы остановились сегодня. Беги от него, как от чумы.

– Почему? В чем дело?

– Сейчас не время объяснять это. Сейчас мы озабочены утрачиванием важности самого себя. До тех пор, пока ты чувствуешь, что ты являешься самой важной вещью в мире, ты не можешь в действительности воспринимать мир вокруг себя. Ты как лошадь с шорами. Все, что ты видишь, – это ты сам вне всего остального.

Он рассматривал меня секунду.

– Я собираюсь поговорить с моим дружкой здесь, – сказал он, указывая на небольшое растение. Он встал на колени и начал ласкать растение и говорить с ним. Сначала я не понимал, что он говорит, но затем он поменял языки и стал говорить с растением на испанском.

Некоторое время он говорил всякую бессмыслицу. Затем он поднялся.

– Не имеет значения, что ты говоришь растению, – сказал он. – ты можешь даже просто придумывать слова. Что важно, так это чувство симпатии к нему и обращение с ним, как с равным.

Он объяснил, что человек, который собирает растения, каждый раз должен извиняться за то, что он берет их, и должен заверить их, что когда-нибудь его собственное тело будет служить для них пищей.

– Так что в общем, растения и мы сами равны, – сказал он. – ни мы, ни они не являются ни более важными, ни менее важными.

– Давай поговорим с маленьким растением, – сказал он. – скажи ему, что ты не чувствуешь больше собственной важности.

Я пошел настолько далеко, что встал перед растением на колени. Я не мог заставить себя говорить с ним. Я ощутил себя смешным и рассмеялся. Однако, я не был сердит.

Дон Хуан погладил меня по спине и сказал, что все в порядке, что, по крайней мере, я сохранил свое хорошее настроение.

– Начиная с этого времени, разговаривай с маленькими растениями, – сказал он. – разговаривай до тех пор, пока ты не потеряешь всякое чувство важности. Разговаривай с ними до тех пор, пока ты не сможешь этого делать в присутствии других.

– Иди вон в те холмы и попрактикуйся сам.

Я спросил, будет ли правильным говорить с растениями молча, в уме.

Он засмеялся и погладил меня по голове.

– Нет, – сказал он. – ты должен говорить им громким и чистым голосом, если ты хочешь, чтобы они тебе ответили.

Я пошел в то место, которое он указал, смеясь про себя над его эксцентричностью. Я даже попытался разговаривать с растениями, но мое чувство, что я смешон, пересиливало все.

После того, как я думал, что прошло достаточно времени ожидания, я вернулся назад туда, где находился дон Хуан. У меня была уверенность, что он знает, что я не говорил с растениями.

Он не смотрел на меня. Он сделал мне знак сесть с ним рядом.

– Следи за мной внимательно, – сказал он. – я сейчас буду говорить с моим маленьким другом.

Он стал на колени перед небольшим растением и в течение нескольких минут он двигал и раскачивал свое тело, говоря и смеясь при этом.

Я думал, что он сошел с ума.

– Это маленькое растение сказала мне, чтобы я рассказал тебе, что оно пригодно для еды, – сказал он, поднимаясь с колен. – оно сказала, что горсть таких растений сохраняет человеку здоровье. Оно сказала также, что целая полянка таких растений растет вон там.

Дон Хуан указал в сторону склона холма примерно в четырехстах метрах в стороне.

– Пойдем, посмотрим, – сказал он.

Я рассмеялся над его странностями. Я был уверен, что он найдет растения, потому что он был экспертом в знании местности и знал, где растут съедобные и лекарственные растения.

По пути к этому месту он сказал мне невзначай, что мне следовало бы заметить это растение, потому что оно одновременно являлось как пищей, так и лекарством.

Я спросил его полуслушая, уж не растение ли ему сказала об этом. Он покачал головой из стороны в сторону.

– Ах! – воскликнул он, смеясь. – твоя умность делает тебя более глупым, чем я думал. Как может маленькое растение сказать мне сейчас то, что я знал всю жизнь?

Затем он продолжал объяснять, что он знал досконально различные особенности этого

растения, и что это растение только что сказало ему, что в том месте, на которое он указал, их растет целая полянка, и что оно не имеет ничего против, если он мне это расскажет.

Прибыв на склон холма, я обнаружил целые заросли таких же растений. Я хотел рассмеяться, но он не дал мне времени. Он хотел, чтобы я поблагодарил эти заросли растений. Я мучительно чувствовал самого себя и не мог заставить себя это сделать.

Он доброжелательно улыбнулся и сделал еще одно из своих загадочных заявлений. Он повторил его три или четыре раза, как бы давая мне время уловить его значение.

– Мир вокруг нас – загадка, – сказал он. – и люди ничуть не лучше, чем что-либо еще. Если маленькое растение искренне с нами, мы должны поблагодарить его, или оно, возможно, не даст нам уйти.

То, как он на меня взглянул, говоря мне это, бросило меня в озноб. Я поспешно наклонился над растениями и сказал «спасибо» громким голосом.

Он начал смеяться контролируемые и спокойными раскатами. Мы ходили еще целый час, а затем направились назад к его дому. Один раз я отстал, и он был вынужден меня ждать. Он проверил мои пальцы: держу ли я их подогнутыми? Я этого не делал. Он сказал мне повелительно, что всегда, когда я гуляю с ним, я должен соблюдать и копировать его манеры или же не приходить вовсе.

– Я не могу ждать тебя, как будто ты ребенок, – сказал он укоряющим тоном.

Это заявление бросило меня в глубины раздражения и замешательства. Как это может быть возможным, что такой старый человек может ходить намного лучше, чем я? Я считал себя сильным и атлетом, и, однако же, он действительно должен был ждать, чтобы я догонял его.

Я подогнул мои пальцы и, как это ни странно, я был способен выдерживать его ужасающий шаг без всяких усилий. Фактически временами я чувствовал, что мои руки тащат меня вперед.

Я чувствовал подъем. Я ощущал себя счастливо, оттого что иду беззаботно со странным старым индейцем. Я начал разговаривать и несколько раз спросил его, не покажет ли он мне растение пейота. Он взглянул на меня и не сказал ни слова.

4. Смерть – советчик

Среда, 25 января 1961 года

– Ты меня когда-нибудь будешь учить о пейоте? – спросил я.

Он не ответил, а также, как он делал и раньше, просто посмотрел на меня, как будто я был безумец.

Я уже поднимал эту тему в случайных разговорах с ним несколько раз и раньше, и каждый раз он делал гримасу и качал головой. Это не было утвердительным или отрицательным жестом, скорее, это был жест отчаяния и неверия.

Он резко поднялся. Мы сидели на земле перед его домом. Почти незаметный кивок его головы был приглашением следовать за ним.

Мы пошли в пустынный чапараль в южном направлении. Пока мы шли, он неоднократно упоминал о том, что я должен осознавать бесполезность моей важности самого себя и моей личной истории.

– Твои друзья, – сказал он, резко поворачиваясь ко мне, – Те, кто знал тебя долгое время, ты должен их бросить, и быстро.

Я подумал, что он сумасшедший, и его настойчивость – это идиотизм, но ничего не сказал. Он пристально посмотрел на меня и стал смеяться.

После долгой прогулки мы, наконец, остановились. Я уже собирался сесть и отдохнуть, но он сказал, чтобы я еще прошел 50 метров и поговорил с полянкой растений громким и ясным голосом. Я чувствовал в себе неловкость и сопротивление. Его чудные требования были более, чем я мог вынести, и я сказал ему еще раз, что я не могу говорить с растениями, потому что я чувствую себя смешным. Его единственным замечанием было то, что мое чувство важности самого себя безгранично. Он, казалось, внезапно что-то решил и сказал, что мне не надо разговаривать с растениями до тех пор, пока я не почувствую, что для меня это легко и естественно.

– Ты хочешь изучать их и в то же время ты не хочешь делать никакой работы, – обвинил он. – что ты стараешься делать?

Моим объяснением было то, что я хотел достоверной информации об использовании растений, и поэтому я просил его быть моим информатором. Я даже предложил платить ему за его время и его труды.

– Тебе следовало бы взять деньги, – сказал я. – таким образом мы оба чувствовали себя бы лучше. Я мог бы тебя спрашивать обо всем, чего я хочу, потому что ты бы работал на меня, и я бы платил тебе за это. Что ты думаешь на этот счет?

Он взглянул на меня с возражением и издал отвратительный звук своим ртом, заставив нижнюю губу и язык вибрировать с огромной силой при выходе.

– Вот что я думаю об этом, – сказал он и засмеялся истерически при виде моего крайнего изумления, которое, по всей видимости, отразилось на моем лице.

Мне было ясно, что он не тот человек, с которым я мог бы легко справиться. Несмотря на свой возраст, он был энергичен и невероятно силен. У меня ранее была идея, что, будучи таким старым, он мог бы быть идеальным «информатором» для меня. Старики, как я всегда считал, бывают наилучшими информаторами, поскольку они слишком слабы, чтобы делать что-либо еще, кроме как говорить. Однако же дон Хуан не был жалким субъектом. Я чувствовал, что он неуправляем и опасен. Друг, который нас свел, был прав. Он был эксцентричным старым индейцем, и, хотя и не был большую часть времени вне себя, как рассказывал мой друг, он был еще хуже, он был сумасшедший. Я почувствовал опять ужасное сожаление и тревогу, которые я

испытывал раньше. Я уж думал, что преодолел это, и на самом деле у меня не было никаких трудов совершенно уговорить себя, что я хочу навестить его опять. Мне в голову проникла мысль, однако, что, может быть, я сам был немножко сумасшедший, когда я решил, что мне нравится быть с ним. Его идея о том, что мое чувство собственной важности являлось препятствием, действительно сильно повлияло на меня. Но все это было явно только интеллектуальным упражнением с моей стороны. Я ту же секунду, как только я столкнулся с его странным поведением, я ощутил тревогу и захотел уехать.

Я сказал, что считаю, что мы настолько различны, что нет никакой возможности для наших с ним отношений.

– Один из нас должен измениться, – сказал он, уставясь в землю. – и ты знаешь, кто.

Он стал мурлыкать мексиканскую народную песню, а затем поднял голову и взглянул на меня. Его глаза были яростными и горящими. Я хотел взглянуть в сторону или закрыть глаза, но, к своему великому изумлению, я не мог прервать его взгляда.

Он попросил меня рассказать ему, что я видел в его глазах. Я сказал, что ничего не видел, но он настаивал, чтобы я выразил словами то, что его глаза заставили меня почувствовать и вспомнить. Я старался дать ему понять, что единственное, о чем мне его глаза напомнили, так это о моем замешательстве. Что то, как он на меня смотрит, очень неудобно.

Он не отступал. Он по-прежнему пристально смотрел. Это не был прямо угрожающий или злой взгляд. Это скорее был мистический неприятный пристальный взгляд.

Он спросил меня, не напоминает ли он мне птицу.

– Птицу? – воскликнул я.

Он рассмеялся, как ребенок, и отвел свои глаза от меня.

– Да, – сказал он мне мягко. – птицу, очень необыкновенную птицу!

Он опять поймал меня взглядом и скомандовал мне вспоминать. Он сказал мне с необыкновенным убеждением, что он «знает», что я уже видел такой взгляд раньше.

В этот момент у меня было такое чувство, что старик провоцирует меня вопреки всем моим честным желаниям каждый раз, как только он открывал рот. Я опять взглянул на него с явным сопротивлением. Вместо того, чтобы рассердиться, он начал смеяться. Он хлопал себя по ляжкам и завывал, как если бы он объезжал дикую лошадь. Затем он опять стал серьезен и сказал мне, что чрезвычайно важно, чтобы я перестал с ним бороться и вспомнил ту необыкновенную птицу, о которой он мне говорит.

– Посмотри мне в глаза.

Его глаза были необыкновенно яростными. Они вызывали такое чувство, которое действительно напомнило мне о чем-то, но я не был уверен, о чем именно. Я секунду задержался на этом чувстве и затем внезапно понял. Это была не форма его глаз и не форма его головы, но именно какая-то холодная ярость в его взгляде – вот что напомнило мне взгляд глаз сокола. В тот самый момент, когда я это понял, он смотрел на меня вскользь, и на секунду у меня был полный хаос в мыслях. Я подумал, что я вижу очертания сокола вместо очертаний дона Хуана. Картина была слишком мимолетной, и я был слишком взволнованный, чтобы обратить на нее больше внимания.

Очень взволнованным тоном я рассказал ему, что я мог бы поклясться, что видел очертания сокола в его лице. У него был еще один приступ смеха.

Я видел такой взгляд в глазах соколов. Я часто охотился за ними, когда был мальчиком, и, по мнению дедушки, я был хорошим охотником. У него была ферма лекгорнских кур, и соколы были угрозой его делам. Охота за ними была не только настоящим, но еще и «правильным» делом. Вплоть до этого момента я никогда не вспоминал ярости их глаз и о том, что эта яростность преследовала меня в течение многих лет. Но это было так. Далеко в моем прошлом,

которое, как я думал, уже изгладилось в моей памяти.

– Я когда-то охотился на соколов.

– Я знаю, – заметил дон Хуан, как само собой разумеющееся. В его голосе была такая уверенность, что я начал смеяться. Я подумал, что он чудаковатый субъект. Он имел привычку говорить так, как если бы он действительно знал, что я охотился на соколов. Я чувствовал крайнее нерасположение к нему.

– Почему ты так рассердился? – спросил он тоном искреннего участия.

Я не знал, почему. Он стал испытывать меня очень необычным образом. Он попросил меня опять смотреть на него и рассказать об «очень необыкновенной птице», которую он мне напоминал. Я продолжал упорствовать и из духа сопротивления сказал, что тут не о чем говорить. Затем я почувствовал себя обязанным спросить его, почему он сказал, что он знает, что я охотился на соколов. Вместо того, чтобы ответить мне, он опять стал комментировать мое поведение. Он сказал, что я очень злой парень, и что даже при падении шляпы у меня появляется пена у рта. Я запротестовал, что это не так. У меня всегда была такая идея, что я очень уживчив и мирен. Я сказал, что это его вина в том, что он вывел меня из себя своими неожиданными словами и поступками.

– Но почему же гнев? – спросил он.

Я проанализировал свои чувства и реакции. Действительно, у меня не было нужды гневаться на него.

Он опять стал настаивать на том, чтобы я смотрел в его глаза и рассказал ему о «необыкновенном соколе». Он переменял слова. Раньше он говорил «очень необыкновенная птица», теперь он стал говорить «необыкновенный сокол». Перемена слов вызвала изменение в моем собственном настроении. Я внезапно стал чувствовать печаль.

Он прищурил глаза, пока они не превратились в две щелки, и сказал сверхдраматическим голосом, что он «видит» очень странного сокола. Он повторил свое заявление три раза, как если бы он действительно видел его прямо перед собой.

– Разве ты не помнишь его? – спросил он.

Я ничего подобного не помнил.

– Что же с этим соколом необыкновенного? – спросил я.

– Это ты должен сказать мне это, – заметил он.

Я настаивал на том, что я никаким способом не могу узнать, о чем он говорит, поэтому я не могу рассказать ему ничего.

– Не борись со мной, – сказал он. – борись со своей вялостью и вспомни.

Я серьезно пытался на секунду понять его. Мне не приходило в голову, что я точно так же мог пытаться и вспомнить.

– Было время, когда ты видел множество птиц, – сказал он, как бы настраивая меня.

Я сказал ему, что, когда я жил на ферме мальчиком, то я охотился и убивал сотни птиц.

Он сказал, что если это так, то у меня не может быть никакой трудности, чтобы вспомнить всех необыкновенных птиц, на которых я охотился.

Он взглянул на меня с вопросом в глазах, как если бы он только что дал мне последний ключ.

– Но я охотился очень на многих птиц, – сказал я. – поэтому я ничего не могу вспомнить о них.

– Эта птица особенная, – заметил он шепотом. – эта птица – сокол.

– Я снова ушел в размышления над тем, на что он клонит. Что, он дразнит меня? Или он это серьезно? После долгого перерыва он опять попросил меня вспомнить. Я почувствовал, что бесполезно для меня прервать его игру. Единственное, что я еще мог сделать, это участвовать в

ней вместе с ним.

– Ты говоришь о соколе, на которого я охотился? – спросил я.

– Да, – прошептал он с закрытыми глазами.

– Так это произошло, когда я был мальчиком?

– Да.

– Но ты говорил, что ты видишь сокола прямо перед собой сейчас.

– Вижу.

– Что ты пытаешься заставить меня сделать?

– Я пытаюсь заставить тебя вспомнить.

– Что? Бога ради!

– Сокол, быстрый как свет, – сказал он, глядя мне в глаза.

Я почувствовал, что у меня остановилось сердце.

– Теперь взгляни на меня, – сказал он.

Но я не взглянул. Я слышал его голос, как слабый звук, какое-то ошеломляющее воспоминание захватило меня полностью.

Белый сокол!

Все началось со вспышки гнева моего дедушки, когда он подсчитывал своих леггорнских кур. Они исчезали странным и непонятным образом. Он лично организовал и осуществлял тщательные вахты и после нескольких дней неустанного наблюдения мы, наконец, увидели большую белую птицу, улетающую с молодой леггорнской курицей в когтях. Птица была быстрой и явно знала свою дорогу. Она вылетела откуда-то из-за деревьев, схватила курицу и улетела прочь через просвет между двумя ветвями. Это произошло так быстро, что мой дед едва успел заметить это. Но я заметил, и я знал, что это был действительно сокол. Мой дед сказал, что это, должно быть, альбинос.

Мы начали кампанию против сокола-альбиноса и дважды мне казалось, что я попал в него. Он даже выронил свою жертву, но улетел. Он был слишком быстрым для меня. Он был также слишком умен. Он уже больше никогда не возвращался охотиться на ферму моего деда. Я бы забыл о нем, если бы мой дед не подначивал меня охотиться за этой птицей. В течение двух месяцев я преследовал сокола-альбиноса по всей долине, где я жил. Я изучил его повадки, и я почти интуитивно находил пути его полета. Однако, его скорость и внезапность появления всегда ставили меня в тупик. Я мог хвастаться, что помешал ему обхватить его жертву, как это бывало каждый раз, когда мы встречались, но убить его я никак не мог.

За все два месяца, пока я вел эту странную войну против сокола-альбиноса, я лишь однажды был близко от него. Я преследовал его весь день и устал. Я сел отдохнуть и заснул под высоким эвкалиптовым деревом. Внезапный крик сокола разбудил меня. Я открыл глаза, не сделав никакого другого движения, и увидел беловатую птицу, усевшуюся на самых высоких ветвях эвкалипта. Это был сокол-альбинос. Охота окончилась. Это должен был быть трудный выстрел. Я лежал на спине, а птица была повернута ко мне спиной. Я использовал внезапный порыв ветра для того, чтобы заглушить поднимание своего длинного ружья 22 калибра и прицеливания. Я хотел подождать, пока птица повернется, или пока она начнет взлетать, чтобы не промахнуться. Но птица-альбинос оставалась неподвижной. Для того, чтобы лучше прицелиться, мне бы нужно было передвинуться на другое место, а сокол был слишком быстрым, чтобы мне позволить это. Я думал, что лучше всего мне будет подождать, что я и делал долгое бесконечное время. Возможно, что на меня и повлияло, так это долгое ожидание, или, может, это было одиночество того места, где я и птица находились. Я внезапно ощутил озноб на спине, и как совершенно беспрецедентный поступок, я встал и ушел. Я даже не оглянулся посмотреть – взлетела ли птица.

Я никогда не придавал никакого особого значения моему последнему поступку с соколом-альбиносом, и, однако же, было ужасно странно, что я не застрелил его. Я застрелил десятки соколов раньше. На той ферме, где я вырос, охота за птицами или любыми другими животными была в порядке вещей.

Дон Хуан внимательно слушал, пока я ему рассказывал историю сокола-альбиноса.

– Откуда ты узнал о соколе-альбине? – спросил я, закончив.

– Я видел его, – ответил он.

– Где?

– Прямо тут, перед тобой.

Я больше не был в настроении спорить.

– Что все это значит? – спросил я.

Он сказал, что белая птица, подобно этой, была знаком, и что не стрелять в нее было единственно правильным поступком, который можно было сделать.

– Твоя смерть дала тебе маленькое предупреждение, – сказал он загадочным тоном. – она всегда приходит, как озноб.

– О чем ты говоришь? – спросил я нервно.

Он действительно расстроил мои нервы своим колдовским разговором.

– Ты многое знаешь о птицах, – сказал он. – многих из них ты убил. Ты знаешь, как ждать. Ты терпеливо ждал часами. Я знаю это. Я вижу это.

Его слова вызвали у меня большое волнение. Я подумал о том, что больше всего меня в нем раздражала его уверенность. Я не мог выносить его догматической убежденности относительно моментов моей собственной жизни, в которых я сам не был уверен. Я ушел в свое чувство отторжения, и я не видел, как он склонился надо мной, пока он не прошептал мне что-то буквально в самое ухо. Сначала я не понял, и он повторил это.

Он сказал, чтобы я осторожно повернулся и взглянул на бульжник слева от меня. Он сказал, что там находится моя смерть, которая смотрит на меня, и если я повернусь в тот момент, когда он даст мне сигнал, то я увижу ее.

Он сделал мне знак глазами. Я повернулся, и мне кажется, я увидел мелькнувшее движение над бульжником. Озноб пробежал по моему телу, мышцы живота непроизвольно сократились, и я испытал потрясение, спазмы. Через секунду я восстановил равновесие и объяснил сам себе ощущение видения мелькнувшей тени, как оптическую иллюзию, вызванную резким поворотом головы.

– Смерть – это наш вечный компаньон, – сказал дон Хуан серьезным тоном. – она всегда слева от нас на расстоянии вытянутой руки. Она наблюдала за тобой тогда, когда ты следил за белым соколом. Она шепнула в твое ухо, и ты почувствовал озноб так же, как ты почувствовал его сегодня. Она всегда наблюдала за тобой, и она всегда будет наблюдать до того дня, когда она тебя похлопает.

Он вытянул левую руку и слегка дотронулся до моего плеча и в то же самое время издал глубокий щелкающий звук языком. Эффект был ужасающим. Мне чуть не стало плохо.

– Ты тот мальчик, который преследовал дичь и терпеливо ожидал, как смерть ждет. Ты хорошо знаешь, что смерть слева от нас, точно так же, как ты был слева от белого сокола.

Его слова имели странную силу, которая погрузила меня в непреодолимый ужас. Единственной моей защитой был порыв записывать все, что он говорит.

– Как может кто-либо чувствовать себя столь важным, когда мы знаем, что смерть преследует нас, – спросил он.

У меня было чувство, что ответа от меня не требуется. Во всяком случае, я не мог ничего сказать. Новое настроение овладело мной.

– Когда ты неспокоен, то следует повернуться налево и спросить совета у своей смерти. Необъятное количество мелочей свалится с тебя, если твоя смерть сделает тебе знак, или если ты заметишь отблеск ее, или если просто у тебя появится чувство, что твой компаньон здесь и ждет тебя.

Он опять наклонился вперед и прошептал в мое ухо, что, если я внезапно повернусь налево по его сигналу, то я вновь смогу увидеть свою смерть на бульжнике.

Его глаза дали мне почти неуловимый сигнал, но я не осмелился посмотреть.

Я сказал ему, что верю ему и что ему не стоит нажимать на этот вопрос в дальнейшем, потому что я боюсь. У него был опять один из его приступов раскатистого смеха.

Он заметил, что вопрос о нашей смерти никогда не поднимают достаточно глубоко. Но я стал спорить, что для меня будет бессмысленным думать о моей смерти, поскольку такие мысли принесут неудобство и страх.

– Ты полон всякой чуши! – воскликнул он. – смерть – это единственный мудрый советчик, которого мы имеем. Когда бы ты ни почувствовал, как ты это чувствуешь обычно, что все идет не так, как надо, и что ты вот-вот пропадешь, повернись к своей смерти и спроси ее – так ли это? Твоя смерть скажет тебе, что ты не прав, что в действительности ничего, кроме ее прикосновения, не имеет значения. Твоя смерть скажет тебе: «я еще не коснулась тебя».

Он качнул головой и, казалось, ожидал моего ответа. Но у меня его не было. Мои мысли неслись наперегонки. Он нанес ужасающий удар моему себялюбию. Мелочность того, чтобы быть недовольным им, была ужасающей в свете моей смерти.

У меня было такое чувство, что он полностью осознает перемену моего настроения. Он повернул поток в свою пользу. Он улыбнулся и начал мурлыкать мексиканский мотив.

– Да, – сказал он мягко после долгой паузы. – один из нас здесь должен измениться, и быстро. Один из нас здесь должен узнать, что смерть – это охотник, и что она всегда находится слева от него. Один из нас здесь должен спросить совета у смерти и бросить проклятую мелочность, которая принадлежит людям, проживающим свои жизни так, как если бы смерть никогда не тронула их.

Мы сидели молча более часа. Затем мы пошли опять. Мы блуждали среди пустынного чапарала часами. Я не спрашивал его, была ли какая-либо причина этому. Это не имело значения. Каким-то образом он заставил меня вновь уловить старое чувство, что-то такое, что я давно совершенно забыл. Спокойную радость от того, что просто движешься, не привязывая к этому никакой интеллектуальной цели.

Я хотел бы, чтобы он дал мне уловить отблеск того, что я увидел на бульжнике.

– Дай мне увидеть ту тень снова, – сказал я.

– Ты имеешь в виду свою смерть, не так ли? – ответил он с оттенком иронии в голосе. Какое-то время я никак не мог сказать об этом.

– Да, – наконец, сказал я. – дай мне увидеть мою смерть еще раз.

– Не сейчас, – сказал он. – ты слишком цельный.

– Извини, я не расслышал.

Он начал смеяться, и по какой-то неизвестной причине его смех не был больше раздражающим или мешающим, как он был раньше. Я не думаю, чтобы он был другим, с точки зрения его высоты или его громкости, или его духа. Новым элементом было мое настроение. В свете моей поджидающей смерти мои страхи и мое раздражение были чепухой.

– Позволь мне тогда поговорить с растениями, – сказал я.

Он зарычал от смеха.

– Ты слишком хорош сейчас, – сказал он, все еще смеясь. – Ты ударяешься из одной крайности в другую. Успокойся. Нет необходимости разговаривать с растениями, если ты не

хочешь узнать их секреты. И для этого тебе требуются самые нестигаемые намерения. Поэтому не растрчивай своих добрых желаний. Нет нужды видеть твою смерть тоже. Достаточно того, что ты чувствуешь ее присутствие рядом с собой.

5. Принимание ответственности за свои поступки

Вторник, 11 апреля 1961 года

Я приехал к дому дон Хуана ранним утром в воскресенье 9 апреля.

– Доброе утро, дон Хуан, – сказал я. – рад тебя видеть!

Он взглянул на меня и мягко рассмеялся. Он подошел к моей машине, пока я ее устанавливал и подержал дверь открытой, пока я собирал какие-то свертки с едой, которые я привез для него.

Мы подошли к дому и сели перед дверью. Впервые я действительно осознавал, что я тут делаю. В течение трех месяцев я фактически смотрел вперед лишь в том смысле, чтобы вернуться назад к «полевой работе». Казалось, бомба замедленного действия, установленная внутри меня, разорвалась, и я внезапно вспомнил нечто трансцендентальное для меня. Я вспомнил, что когда-то в моей жизни я был очень терпелив и очень эффективен.

Прежде, чем дон Хуан успел что-либо сказать, я задал ему вопрос, который твердо засел у меня в уме. В течение трех месяцев меня преследовало воспоминание о соколеальбиносе. Как он узнал об этом, если я сам забыл о нем.

Он засмеялся, но не ответил. Я упрашивал его сказать мне.

– Это было ничто, – сказал он со своей обычной убежденностью. – любой может сказать, что ты странный. Ты онемевший, и это все.

Я почувствовал, что он снова меня сбивает с рельс и загоняет в угол, в который мне совсем не хочется идти.

– Разве можно видеть нашу смерть? – спросил я, пытаюсь не уходить от темы.

– Конечно, – сказал он, смеясь. – она здесь, с нами.

– Откуда ты знаешь об этом?

– Я старик, с возрастом узнаешь всякого рода вещи.

Я знаю массу старых людей, но они никогда об этом не знали. Откуда же ты знаешь?

– Что ж, скажем, что я знаю всякого рода вещи, потому что я не имею личной истории и потому что я не чувствую себя более важным, чем кто-либо еще и потому что моя смерть сидит здесь же.

Он вытянул свою левую руку и пошевелил пальцами так, как если бы он действительно что-то трогал.

Я засмеялся. Я знал, куда он заводит меня. Старый черт опять собирается оглушить меня, возможно, моей собственной важностью, но на этот раз меня это не заботило. Воспоминание о том, что когда-то давно я обладал превосходным терпением наполнило меня странной спокойной эйфорией, которая рассеивала большую часть моих чувств нервозности и нетерпимости по отношению к дону Хуану. Вместо этого я ощущал удивление по отношению к его поступкам.

– Кто ты есть на самом деле? – спросил я. Он казался удивленным. Он открыл глаза до огромных размеров и мигнул, как птица, закрывая веки так, как если бы они были пленкой. Веки опустились и поднялись вновь, а его глаза остались в фокусе. Этот маневр испугал меня, и я отшатнулся, а он засмеялся с детской беззаботностью.

– Для тебя я Хуан Матус, я к твоим услугам, – сказал он с преувеличенной вежливостью.

Затем я задал другие вопросы, которые вертелись у меня на языке.

– Что ты со мной сделал в первый день, когда мы встретились? – я имел в виду тот взгляд, которым он меня наградил.

– Я? Ничего, – ответил он невинным тоном.

Я описал ему, что я почувствовал, когда он взглянул на меня, и как это неестественно было для меня онеметь от этого взгляда.

Он смеялся, пока слезы не потекли у него по щекам. Я опять почувствовал волну враждебности по отношению к нему. Я думал, что я был с ним таким серьезным и таким вдумчивым, а он со своими грубыми привычками был таким «индейцем».

Он явно заметил мое настроение и совершенно внезапно перестал смеяться.

После долгого колебания я сказал ему, что его смех раздражал меня, поскольку я серьезно пытался понять то, что со мной случилось.

– Тут нечего понимать, – ответил он спокойно.

Я повторил для него перечень необычных событий, которые имели место с тех пор, как я его встретил, начиная с того колдовского взгляда, которым он на меня взглянул, до воспоминания о соколе-альбиносе и видения на бульжнике тени, о которой он сказал, что это моя смерть.

– Зачем ты все это делаешь со мной? – спросил я его. В моем вопросе не было никакой укоризны. Мне было просто любопытно при чем тут, в частности, я.

– Ты просил меня рассказать тебе то, что я знаю о растениях.

Я заметил нотку сарказма в его голосе. Он говорил так, как будто он подсмеивался надо мной.

– Но то, что до сих пор ты говорил мне, никакого отношения к растениям не имело, – запротестовал я.

Он ответил, что для того, чтобы узнать, нужно время.

У меня было такое чувство, что с ним бесполезно спорить. Я сообразил тогда полный идиотизм легких и абсурдных выводов, который я сделал. Пока я не был дома, я обещал себе, что я никогда не буду терять голову и не буду чувствовать раздражение по отношению к дону Хуану. Однако, в действительной ситуации в ту же минуту, как только он привел меня в замешательство, я испытал новый приступ мелочного раздражения. Я чувствовал, что нет никакого способа для меня взаимодействовать с ним, и это меня сердило.

– Думай о своей смерти сейчас, – сказал дон Хуан внезапно. Она у тебя на расстоянии вытянутой руки. Она может дотронуться до тебя в любой момент. Поэтому, у тебя дома действительно нет времени для ерундовых мыслей и мелочного раздражения. Ни у кого из нас нет времени для этого.

– Ты хочешь знать, что я сделал с тобой в первый день, когда мы встретились? Я «увидел тебя», и я «видел», что ты думаешь, что ты лжешь мне. Но ты не лгал, но на самом деле лгал.

Я сказал ему, что его объяснения поставили меня в еще большее замешательство. Он сказал, что в этом и есть причина того, что он не хочет объяснять своих поступков, и что в объяснении их нет необходимости. Он сказал, что единственная вещь, которая идет в счет, это действия, действия вместо думания.

Он вытащил соломенную циновку и улегся, подперев голову узлом. Он устроился поудобнее, а затем сказал мне, что есть еще одна вещь, которую я должен выполнить, если я действительно хочу изучать растения.

– Что было неправильно в тебе, когда я «увидел» тебя и что неправильно в тебе сейчас, так это то, что ты не любишь принимать ответственности за то, что ты делаешь, – сказал он медленно, как бы давая мне время понять, что он говорит. – когда ты говорил мне все это в автобусной станции, ты сознавал, что все это ложь. Почему ты лгал?

Я объяснил, что моей задачей было найти «ключевого информатора» для своей работы.

Дон Хуан улыбнулся и начал мурлыкать мексиканскую мелодию.

– Когда человек решает что-либо делать, он должен идти до конца, – сказал он. – но он

должен принимать ответственность за то, что он делает. Вне зависимости от того, что именно он делает, он должен прежде всего знать, почему он это делает, и затем он должен выполнять свои действия, не имея уже никаких сомнения или сожалений о них.

Он посмотрел на меня внимательно. Я не знал, что сказать. Наконец я выразил мнение, почти как протест.

– Но это невозможно, – сказал я.

Он спросил меня, почему, и я сказал, что, может быть, было бы идеальным, чтобы все думали так, как совпадало бы с тем, что они делают. На практике, однако, нет никакого способа избежать сомнений и сожалений.

– Конечно же, есть способ, – ответил он с убеждением.

– Смотри на меня, – сказал он. – у меня нет сомнений или сожалений. Все, что я делаю, является моим решением и моей ответственностью. Простейшая вещь, которую я делаю, взять тебя на прогулку в пустыню, например, очень просто может быть моей смертью. Смерть преследует меня, поэтому у меня нет места для сомнений или сожалений. Если я должен умереть в результате того, что я возьму тебя на прогулку, значит я должен умереть.

Ты, с другой стороны, чувствуешь, что ты бессмертен. А решения бессмертного человека могут быть изменены, или о них можно сожалеть или подвергать их сомнению. Время имеется только для того, чтобы делать решения.

Я искренне возражал, что по-моему мнению, это не реальный мир, поскольку он спорным образом создан на идеальной форме поведения, и на том, что есть еще какой-то путь для того, чтобы куда-то идти.

Я рассказал ему историю о своем отце, который обычно читал мне бесконечные лекции о чудесах здорового ума в здоровом теле и о том, как молодые люди должны закалять свои тела трудностями и атлетическими соревнованиями. Он был молодым человеком. Когда мне было 8 лет, ему всего только 27. В летнее время, как правило, он возвращался из города, где преподавал в школе, на ферму моего деда, где я жил, чтобы провести со мной по крайней мере месяц. Для меня это был адский месяц. Я рассказал дону Хуану, например, о поведении моего отца, которое, как я думал, очень подходит к настоящей ситуации.

Почти сразу по прибытии на ферму мой отец настаивал на том, чтобы я совершил с ним длинную прогулку так, чтобы мы могли с ним обо всем поговорить. И во время нашего разговора он составлял планы о том, как мы будем ходить купаться каждый день в 6 часов утра. Ночью он ставил будильник на пол шестого, чтобы иметь достаточно времени, потому что ровно в шесть мы должны быть уже в воде. А когда звонок начинал звенеть утром, он выскакивал из постели, надевал очки и подходил к окну, чтобы посмотреть наружу.

Я даже запомнил следующий монолог:

– М-м-м... Немножко облачно сегодня. Послушай, я сейчас прилягу всего минуток на пять, оъкей? Не больше, чем на пять! Я просто собираюсь распрямить свои мышцы и полностью проснуться.

И он всегда без исключения спал после этого до десяти, а иногда и до полудня.

Я рассказал дону Хуану, что меня раздражало его нежелание отказаться от явно надуманных решений. Он повторял этот ритуал каждое утро, пока я, наконец, не оскорбил его чувства, отказавшись заводить будильник.

– Это не были надуманные решения, – сказал дон Хуан, явно принимая сторону моего отца. – он просто не знал, как встать из постели, вот и все.

– Во всяком случае, – сказал я. – я всегда с сожалением отношусь к нереальным решениям.

– Какое же решение будет тогда реальным? – спросил дон Хуан с улыбкой.

– Если бы мой отец сказал себе, что он не может идти плавать в шесть утра, а может,

возможно, и в три пополуночи.

– Твое решение ранит его душу, – сказал дон Хуан с оттенком большой серьезности.

Я подумал, что уловил нотку печали в его голосе. Некоторое время мы молчали. Моя задиристость испарилась, я думал о своем отце.

– Разве ты не видишь, – сказал дон Хуан, – он не хотел плавать в три часа пополуночи.

Его слова заставили меня подпрыгнуть.

Я сказал ему, что мой отец был слаб, и таким же был его мир идеальных поступков, которые он никогда не совершал. Я почти кричал.

Дон Хуан не сказал ни слова. Он медленно в каком-то ритме качал головой. Я чувствовал ужасную печаль. Когда я думал о своем отце, меня всегда охватывало такое всепоглощающее чувство.

– Ты думаешь, что ты был сильнее, не так ли? – спросил он меня как бы невзначай. Я сказал, что да, и начал рассказывать ему обо всей эмоциональной путанице, которую мой отец вносил в меня, но он меня прервал.

– Он был злой с тобой? – спросил он.

– Нет.

– Он был мелочен с тобой?

– Нет.

– Делал ли он для тебя все, что мог?

– Да.

– Тогда что же в нем неправильно?

Опять я начал кричать, что он был слабый, но спохватился и понизил голос. Я чувствовал себя несколько в странном положении, что дон Хуан меня допрашивает.

– Для чего ты все это делаешь? – спросил я. – ведь предполагалось, что мы будем говорить о растениях? – я чувствовал себя раздраженным и подавленным более, чем когда-либо. Я сказал ему, что ему нет дела, что у него нет даже малейшего права судить о моем поведении. И он разразился животным смехом.

– Когда ты сердисься, ты всегда чувствуешь себя правым? – сказал он и мигнул, как птица.

Он был прав. У меня была тенденция к тому, чтобы чувствовать себя оправданным в том, что я сержусь.

– Давай не будем говорить о моем отце, – сказал я, борясь за хорошее настроение. – давай будем говорить о растениях.

– Нет, давай поговорим о твоём отце, – настаивал он. – это то самое место, с которого следует начать сегодня. Если ты думаешь, что ты был настолько сильнее, чем он, почему ты не ходил плавать в шесть часов утра вместо него?

Я сказал ему, что я не мог поверить в то, что он серьезно просит меня об этом. Я всегда считал, что плавание в шесть часов утра – это дело моего отца, а не мое.

– Это было также и твоим делом с того момента, как ты принял его идею, – бросил в меня дон Хуан.

Я сказал, что я никогда не принимал ее, что я всегда знал, что мой отец неискренен сам с собой. Дон Хуан поинтересовался, как само собой разумеющимся, почему я не высказал своего мнения в тот раз.

– Ты же не говорил своему отцу подобных вещей, – сказал я, как слабое объяснение.

– Почему же нет?

– В моем доме так не делалось, вот и все.

– Ты делал в своем доме еще худшие вещи, – заявил он, как судья со своего кресла. – единственная вещь, которую ты никогда не делал – это почтить свой дух.

В его словах была такая разрушительная сила, что слова его вызывали у меня в уме отклик. Он разрушил все мои защиты, я не мог с ним спорить. Я нашел спасение в записывании своих заметок.

Я попытался выставить последние слабые объяснения и сказал, что всю мою жизнь мне встречались люди такого же сорта, как мой отец, которые так же, как мой отец, вовлекали меня в свои схемы, и, как правило, я всегда оставался болтаться ни при чем.

– Ты жалуешься, – сказал он мягко. – ты жаловался всю свою жизнь, потому что ты не принимаешь ответственности за свои решения. Если бы ты принял ответственность в отношении идеи твоего отца в том, чтобы плавать в шесть часов утра, то ты бы плавал сам, если нужно. Или же бы ты послал его к черту в первый же раз после того, как ты узнал его уловки. Но ты не сказал ничего, поэтому ты был такой же слабый, как твой отец.

– Принимать ответственность за свои решения означает, что человек готов умереть за них.

– Подожди, подожди, – сказал я, – тут ты все переворачиваешь.

Он не дал мне закончить. Я собирался сказать ему, что своего отца я взял просто как пример нереального способа действовать, и что никто в здравом уме не захочет умирать за такую идиотскую вещь.

– Не имеет никакого значения, что это за решение, – сказал он. – ничто не может быть более или менее серьезным, чем что-либо другое. Разве ты не видишь? В том мире, где смерть-охотник, нет маленьких или больших решений. Есть только те решения, которые мы делаем перед лицом нашей неминуемой смерти.

Я ничего не мог сказать. Прошел, может быть, час. Дон Хуан был совершенно неподвижен на своей циновке, хотя он не спал.

– Почему ты рассказал мне все это, дон Хуан? – спросил я. – почему ты все это делаешь со мной?

– Ты пришел ко мне, – сказал он. – нет, это было не так, ты был приведен ко мне, и я сделал с тобой свой уговор.

– Что ты говоришь?

– Ты мог иметь свой уговор с твоим отцом, плавая вместе с ним, но ты это не сделал, может быть потому, что ты был слишком молод. Я жил дольше тебя. На мне ничего не висит. В моей жизни нет спешки, и поэтому я могу должным образом делать с тобой уговор.

После обеда мы отправились на прогулку. Я легко выдерживал его шаг и опять восхищался его поразительной физической выносливостью. Он шагал так легко и такими уверенными шагами, что рядом с ним я был похож на ребенка. Мы пошли в восточном направлении. Я заметил тогда, что он не любит разговаривать, пока идет. Если я заговаривал с ним, то он должен был остановиться для того, чтобы мне ответить. Через пару часов мы пришли к холму. Он сел и сделал мне знак, чтобы я сел рядом с ним. Он заявил насмешливо-драматическим тоном, что собирается рассказать мне сказку.

Он сказал, что давным-давно жил-был молодой человек, по происхождению индеец, который жил среди белых людей в городе. У него не было ни дома, ни родственников, ни друзей. Он пришел в город искать свое счастье, а нашел только нищету и боль. Время от времени он получал несколько центов, работая, как мул, которых едва хватало на кусок хлеба. Все остальное время он вынужден был выпрашивать или воровать пищу.

Дон Хуан сказал, что однажды молодой человек пошел на базар. Он ходил взад и вперед по улице очарованный. Его были тут собраны. Он был так захвачен этим, что не смотрел, куда идет, и кончил тем, что, споткнувшись, через корзины упал на какого-то старика.

Старик нес четыре огромных кувшина, сделанных из тыквы и только что присел, чтобы отдохнуть и поесть. Дон Хуан улыбнулся знающе и сказал, что старик нашел крайне странным

тот факт, что молодой человек налетел на него. Он не рассердился, что его потревожили, но поразился тому, почему именно этот молодой человек упал ему на голову. Молодой человек, напротив, был рассержен и сказал ему, чтобы он убирался с дороги. Ему совершенно не было дела до глубоких причин их встречи. Он не заметил, что их пути фактически пересеклись.

Дон Хуан мимикой изобразил движения кого-то, кто старается поймать что-то укатывающееся прочь. Он сказал, что кувшины старика упали и теперь катились вниз по улице. Когда молодой человек увидел кувшины, он подумал, что нашел себе пищу на этот день.

Он помог старику, настоял на том, чтобы помочь ему нести тяжелые кувшины. Старик сказал ему, что он собирается домой в горы, но молодой человек настаивал на том, чтобы идти вместе с ним, по крайней мере, часть пути.

Старик пошел по дороге к горам, и, пока они шли, он дал молодому человеку немного пищи из той, которую он купил на базаре. Молодой человек досыта наелся и, когда он был удовлетворен полностью, то стал замечать, какие тяжелые кувшины и покрепче обхватил их.

Дон Хуан открыл свои глаза и улыбнулся с дьявольской гримасой, сказав затем, что молодой человек спросил: «что ты несешь в этих кувшинах?» Старик не ответил, но сказал ему, что он собирается показать ему компаньона или друга, который сможет развеять его печали и дать ему совет и мудрость относительно жизни в мире.

Дон Хуан сделал величественное движение обеими руками и сказал, что старик подозвал прекраснейшего оленя, какого когда-либо видел молодой человек. Олень был такой ручной, что он подошел к нему и ходил вокруг него. Он переливался и сиял. Молодой человек был очарован и сразу же понял, что это был «олень-дух». Старик сказал ему тогда, что если он хочет иметь этого друга и его мудрость, то все, что он для этого должен сделать, так это отдать кувшины.

Гримаса дона Хуана изобразила амбицию. Он сказал, что мелочные желания молодого человека были возбуждены при такой просьбе. Глаза дона Хуана стали маленькими и дьявольскими, когда он произносил вопрос молодого человека: «что у тебя там в этих четырех огромных кувшинах?»

Дон Хуан сказал, что старик очень искренне ответил, что он несет пищу и воду. Он перестал рассказывать сказку и прошелся пару раз по кругу. Я не знал, что он делает, очевидно, это была часть сказки. Кружение на месте, видимо, изображало размышления молодого человека.

Дон Хуан сказал, что, конечно же, молодой человек не поверил ни единому слову. Он посчитал, что если старик, который был, очевидно, волшебником, хочет дать «олень-духа» за свои кувшины, то кувшины должны быть наполнены совершенно невероятным могуществом.

Дон Хуан опять искривил свое лицо в дьявольскую гримасу, сказав, что молодой человек заявил о своем желании иметь кувшины. Тут последовала долгая пауза, которая, казалось, означала конец сказки. Дон Хуан оставался спокойным, однако, я был уверен, что он хочет, чтобы я спросил о ней, что я и сделал. «что случилось с молодым человеком?» – Глаза были дикими при виде всех тех хороших вещей, которые...

Последовала еще одна длинная пауза. Я засмеялся. Я подумал, что это была настоящая «индейская сказка».

Глаза дона Хуана сияли, когда он улыбался мне. Его вид был сама невинность. Он начал смеяться тихими раскатами и спросил меня:

- Разве ты не хочешь узнать, что было в кувшинах?
- Конечно, хочу знать. Я думал, что это уже конец сказки.
- О, нет, – сказал он с предательским светом в глазах. – Молодой человек взял свои кувшины и, убежав в укромное место, открыл их.
- Что же он нашел? – спросил я.

Дон Хуан посмотрел на меня, и я почувствовал, что он осознает мою умственную гимнастику. Он покачал головой и усмехнулся.

– Ну, – спросил я, – кувшины были пустыми?

– Там была только пицца и вода внутри кувшинов, – сказал он. – и молодой человек в порыве гнева разбил их о камни.

Я сказал, что его реакция была вполне естественна. Любой на его месте сделал бы то же самое.

Дон Хуан сказал, то молодой человек был дурак, который не знал, что он ищет. Он не знал, каким бывает «могущество», поэтому он не мог сказать, нашел он его или нет. Он не принял ответственности за свои решения и поэтому был рассержен своим промахом. Он ожидал что-то получить, но вместо этого не получил ничего. Дон Хуан предположил, что, если бы я был этим молодым человеком, и если бы я следовал своим склонностям, то у меня бы тоже кончилось злостью и сожалением, и я бы без сомнения провел остаток своей жизни, жалея о самом себе и о том, что я потерял.

Затем он объяснил поведение старика. Он умно накормил молодого человека, чтобы дать ему «смелость удовлетворенного живота». Таким образом, молодой человек, найдя в кувшинах только пищу, разбил их в порыве гнева.

– Если бы он осознал свое решение и брал на себя ответственность занего, – сказал дон Хуан, – то он бы взял пищу и был бы ею более, чем удовлетворен. А, может быть, он смог бы даже понять, что пицца тоже была могуществом.

Конец ознакомительного отрывка книги.

[Скачать аудиокнигу](#)